

ЮЛИЯ ГЕРМАН

Во власти

КАВКАЗЦА

18+

Я ТЕБЯ ПРИРУЧУ

Юлия Герман

**Во власти кавказца.
Я тебя приручу**

«Автор»

2026

Герман Ю. М.

Во власти кавказца. Я тебя приручу / Ю. М. Герман — «Автор»,
2026

— Успокоилась? — спрашивает холодно кавказец. — От твоих криков ничего не изменится. Твой отец отдал тебя мне. — Как он мог? Я не вещь! — Ты его дочь, и он распоряжается твоей судьбой. Чтобы сгладить конфликт, он смог сделать единственное предложение, которое устроило обе стороны. — Но зачем вам я? — Будешь гарантом мира. — Я не согласна. — Разве ты не поняла, девочка? У тебя нет права голоса. И теперь твоя жизнь полностью в моих руках. И лучше тебе мне не перечить, а делать все, что я говорю. — Тогда вы меня отпустите? — Исключено. Но я тот, кто может сделать твое существование чуточку приятнее. Или же, наоборот, превратить его в ад. Отец откупился мной от опасного кавказского авторитета. Теперь я игрушка в его руках, с которой он может делать все что угодно. Но лучше бы он просто издевался надо мной. Потому что нет ничего страшнее, чем пробудить в этом чудовище чувства

© Герман Ю. М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	13
Глава 6	15
Глава 7	17
Глава 8	19
Глава 9	21
Глава 10	23
Глава 11	25
Глава 12	27
Глава 13	29
Глава 14	31
Глава 15	34
Глава 16	36
Глава 17	39
Глава 18	41
Глава 19	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Юлия Герман

Во власти кавказца. Я тебя приручу

Глава 1

— Лад, ну ты скоро? — доносится из трубки сразу, как только я набираю подругу.

— Бегу, бегу, Карин, — прячу голову сильнее под капюшон, стараясь не попасть в лужу. Но дождь льет стеной, и видимость жуткая, не говоря о том, что я уже промокла до нитки. Хотя только пару минут назад сбежала из дома.

Мне пришлось весь день караулить удачный момент, чтобы папа не заметил моего отсутствия. К нему приехали какие-то люди, с которыми он заперся в кабинете. И пока он занят, у меня появилась только одна попытка, чтобы попасть в ночной клуб, куда сегодня идут все наши одноклассники.

— Я тебя уже двадцать минут жду, — говорит подруга раздраженно.

— Прости, пожалуйста. Не могла мимо отца прошмыгнуть.

— Еще пара минут, и я уеду.

— Не уезжай, пожалуйста, Кари. Другого шанса выбраться у меня не будет.

И это правда. За три курса университета отец ни разу не отпустил меня ни в клуб, ни на вечеринку по случаю дня рождения, ни даже на ночевку к подруге.

Я живу словно принцесса в высокой башне, охраняемая злым драконом, где о моей чести заботятся больше, чем о моих чувствах, которые будто бы не существуют.

Меня сопровождает на учебу охрана, не позволяя задержаться после занятий даже для того, чтобы забежать в кафе с друзьями. А чтобы пойти в гости, мне требуется официальное обращение от приглашающей стороны моему отцу, чтобы он знал, где я, с кем, по какому поводу и как долго буду.

Конечно же, не может быть и речи, чтобы я находилась в присутствии парней. Жить в таком напряжении невозможно. Я на грани нервного срыва. Потому что хочу быть как все двадцатилетние девчонки. Мне нужны встречи с друзьями, походы по магазинам с подругами, флирт с парнями и влюбленность.

Но у отца будто цель жизни — превратить мое существование в ад. Хотя он всегда объясняет, что делает это для моего же блага.

Возможно, опасается, что я пойду в мать и... Не важно.

Я устала от гиперконтроля и решилась на побег, чтобы хоть немного вкусить такой запретной, но в то же время нормальной жизни.

— Хорошо, жду. Постарайся быстрее!

— Я уже почти, — сворачиваю к дороге и стремительно бегу через полосу.

Передо мной огромная лужа, которую мне необходимо обойти, иначе мои ботинки промокнут насквозь.

Оглядываясь по сторонам и, не увидев машин, я дугой обхожу преграду прямо по дороге. Мне остается всего пара метров до того, чтобы добраться до противоположной стороны, как вдруг я слышу гул мотора, а затем меня ослепляет яркий свет фар.

Я не вижу, куда идти, дергаюсь к обочине, но не успеваю достигнуть цели, как раздается визг шин, сигнал клаксона и я получаю резкий толчок, боль, и улетаю куда-то в сторону, падая на мокрый асфальт.

— Дура, куда прешь! — сквозь шум в ушах слышу мужской голос, но ответить не могу.

В голове нарастает звон, и глаза, они не открываются, из-за боли.

— Чёрт! Ты жива?

— Проверь пульс, — говорит ему другой.

Чувствую чьи-то пальцы на своей шее.

— Жива.

— Откуда она тут взялась?

— Не знаю. Но я ее не видел.

— Девушка, вы слышите? — спрашивает мужской голос.

— Мхм, — могу только промычать.

— Тамерлан Кадырович, что случилось? — появляются новые.

— Девчонку сбили.

Кажется, вокруг слишком много людей. И все они толпятся вокруг меня.

— Надо везти ее в больницу.

— Блядь. Как не в тему сейчас.

— Я в порядке... — говорю, но меня не слышат.

Чувствую, как меня поднимают чьи-то руки, и тогда меня накрывает паникой.

— Отпустите... — бормочу, но получается неубедительно.

— Подожди ты, надо тебя врачу показать, — несут меня куда-то.

— Не надо. Меня будут искать... — вырваться не получается.

Открываю глаза, но картинка размыта. Только дождь лупит по лицу.

— А мы позвоним, предупредим и привезем, куда надо.

Наконец-то вижу перед собой высокого бородатого мужчину, который пытается засунуть мои ноги в салон авто.

— Не надо! — не знаю, откуда берется сила, но я отталкиваю его и вскакиваю на ноги.

Но делаю всего пару шагов, как мир вокруг начинает кружиться и я падаю.

— Тише, тише, — говорит низкий голос, и меня мгновенно ловят сильные руки, прижимая к мужскому телу. — Похоже, без больницы нам точно не обойтись, — прижимает еще крепче к себе второй незнакомец.

— Бля, тачку помяли.

— Да ты аварийная, — усмехается тот, что прижимает меня к себе. — Поехали, — осторожно придерживая меня, ведет куда-то. А я даже не могу поднять голову, чтобы взглянуть в его лицо.

— Меня подруга ждет, — лепечу. — Нельзя. Если папа узнает, он меня убьет.

— Подлечим тебя и отправим, куда скажешь, — запикивает меня в то же самое авто.

— Может, Али отвезет, а мы поедem дальше?

— Исключено, — отвечает тот, что ведет меня. — Нужно убедиться, что с ней все в порядке.

— Это ж геморрой.

— Твоя работа — не думать, а за дорогой следить. Но ты и с этим не справился, — произносит спокойно, но от его интонации мурашки по коже.

И прежде чем сесть внутрь, я вижу позади еще один здоровый внедорожник, куда садятся несколько мужчин.

— Стойте, — понимаю, что толпа незнакомцев увозит меня куда-то. Боль мгновенно исчезает, сменяясь страхом и паникой.

Глава 2

— Куда мы едем?

В машине нас четверо. Я и трое совершенно незнакомых мужчин-кавказцев. Страх сжимает грудную клетку, и я не могу даже повернуть голову, чтобы рассмотреть своих... Кто они мне? Явно не спасители. Прежде всего они меня сбили. А теперь спасают ли? Или же похищают?

— Вы меня похищаете?

Никто не отвечает на мои вопросы. Будто я никто, пустое место. Двое впереди тихо переговариваются на своем языке, а тот, что рядом, сидит погруженный в смартфон.

— Остановите машину! — дергаю я ручку, в надежде, что смогу избежать всего этого.

Внезапно голоса замолкают, и только тихое бормотание радио смешивается с моим криком.

— Успокойся, — звучит слева.

— Я не хочу никуда с вами ехать! Я не поеду!

— Что ты там делала? — этот вопрос выбивает меня из равновесия.

— Где “там”? — во рту пересыхает от страха, и я поднимаю взор к лицу человека, которому принадлежит этот низкий голос.

В темноте салона я не могу разглядеть его черт. Вижу только, как блестят каким-то пугающим блеском его глаза, и вместе с тем ощущаю мощную энергетику, исходящую от этого незнакомого мужчины, понимая, что, возможно, папа был прав и мне нельзя никуда выходить одной.

— Насколько я знаю, это частная территория и случайному человеку там просто делать нечего, — звуки его голоса заполняют салон и пробираются под кожу, а у меня учащается пульс.

— Просто отпустите меня, — горло сдавливает спазмом, и на глаза наворачиваются слезы страха.

Он ничего больше не говорит, просто смотрит, молча, пристально. Так, будто пытается залезть мне в душу или прочитать мысли. И вообще, от этого человека веет опасностью. Даже папины знакомые не вызывают у меня таких эмоций.

В это мгновение начинает вибрировать телефон в моей сумочке, и эта вибрация кажется такой громкой, что я вздрагиваю.

— Ответ на звонок, — говорит, не отрывая от меня взгляда. — Ну же.

И словно под гипнозом, я делаю так, как он говорит. Достая смартфон и принимаю вызов.

— Лада! — голос подруги звучит из динамика словно через громкоговоритель. — Ты снова меня кинула! Я тебя больше ждать не буду! И не поведусь на твои бредовые идеи! Так и сказала бы, что отец снова тебя запер дома! Зачем делать из меня дуру?

— Кари, прости, — отвечаю слишком тихо, чтобы перекрыть ее голос. — Меня сбила машина, и я еду в больницу.

— Что? — орет она еще громче. — В следующий раз придумай что-то поумнее!

— Прости... — только и могу выдавить из себя, находясь все еще под прицелом пристальных темных глаз.

Карина уже не слышит моих извинений, потому что сбрасывает вызов. А я чувствую себя так, будто меня загнали в тупик, выбраться из которого мне не удастся.

Опускаю смартфон на колени и смотрю на него безжизненным взглядом.

В голове пульсирует мысль о том, что нужно позвонить отцу. Но затем я представляю его реакцию и волосы на теле становятся дыбом.

— Не повезло тебе с друзьями, — говорит все тот же голос. И только теперь я улавливаю в нем легкий акцент.

— Она ждала меня...

— Тот, кто бросил другого в трудную минуту, недостоин гордого звания друга. Это хорошо, что она открыла свою личину сейчас, а не когда ваши жизни переплетутся слишком плотно.

Мне нечего на это ответить. Я смотрю невидящим взглядом на свой гаджет, с ощущением того, что мой мир стремительно рушится.

— Может, ты хочешь предупредить кого-то, кому ты действительно дорога?

А мне кажется, что таких людей в моей жизни нет. Для отца я лишь обуза, аксессуар, который должен присутствовать в его идеальной жизни. А мачеха... Ей до меня никогда не было дела. Теперь же, когда они объявили о ее беременности, я для нее превратилась во врага.

— Мне страшно... Вы меня правда везете в больницу? — всхлипываю.

— Правда, — кратко отвечает он и снова возвращает внимание к своему смартфону.

А когда спустя сорок минут я выхожу с рентгена, вместо суровых кавказцев меня встречает Борис. Начальник папиной охраны.

— Лада... — смотрит на меня осуждающе.

— Борис? Как ты тут?..

Но вместо ответа он качает головой.

— На этот раз ты перестаралась, Лада.

— Он в курсе?

— Да, — отвечает холодно. — Готовься к худшему.

— Меня сбила машина, — всхлипываю.

— Сама знаешь, что этого бы не случилось, сиди ты дома.

— Я просто хочу быть нормальной девушкой.

— Лада, — произносит с сочувствием. — Ты выбрала не самое лучшее время...

— Что теперь будет? — теперь тот страх, что я испытывала в машине перед незнакомцами, меркнет перед тем, что я ощущаю в ожидании гнева папы.

— Ничего хорошего.

Но насколько все плохо, я узнаю не сразу. Потому что после моего возвращения отец игнорирует меня и не выпускает из комнаты, заставляя соблюдать предписания врача.

— Лада, — спустя неделю появляется на пороге моей комнаты мачеха. — Сегодня у нас важные гости. И тебе придется привести себя в порядок.

— Зачем?

— Пора и тебе внести лепту в благополучие семьи, — произносит надменно.

— Что это значит?

— Сегодня решится твоя дальнейшая судьба.

— Что?

— Ты стала обузой, деточка. И твой мудрый папа нашел решение для этой проблемы. С этого дня ты не его проблема.

Глава 3

— Лада! — встречает меня отец у лестницы. — Наконец-то! — выдыхает.

Я останавливаюсь на предпоследней ступеньке и не спешу делать последние шаги к папе.

Он осматривает меня придиричивым взором, оценивая то, как я выгляжу, а мне внезапно хочется прикрыться. Потому что я впервые ощущаю себя товаром, приготовленным для того, чтобы его выставили на витрине.

И это ощущение мне не нравится. Потому что отец всегда следил за тем, чтобы мой образ не был броским и не привлекал ненужное внимание. А теперь в этом пудровом платье с декольте и разрезом я чувствую себя больше раздетой, чем одетой. Но и возразить я не имею права.

— Нас уже ждут, — по глазам папы и по плотно сжатой линии губ вижу, что он возмущен моим внешним видом, но почему-то ничего не говорит против. Не заставляет вернуться в спальню и надеть что-то более подобающее.

Он всего лишь кивает мне в сторону гостиной. Хотя дорогу туда я прекрасно знаю.

— Папа, что происходит? Вика несла какую-то ерунду.

— Тебе не стоит обсуждать Вику, — цедит он сквозь зубы, подставляя мне локоть.

— Можешь ты хотя бы объяснить, к чему все это? — подхватывая папу под руку, киваю я на свой наряд, что принесла мне собственноручно мачеха.

— Так нужно, Лада. И... постарайся произвести хорошее впечатление. Помалкивай.

— Даже если со мной захотят поговорить? — эта просьба кажется мне особенно странной.

— В этом случае... постарайся меня больше не позорить.

— Я не позорила тебя... — отвечаю, понимая, что вряд ли он меня сейчас даже слышит.

— Папа, я хотела поговорить с тобой...

Мы до сих пор не обсудили мой побег, и это висит надо мной острым лезвием гильотины.

— Замолчи, Лада. Ты не просто меня разочаровала — ты меня подставила. Для разговоров уже поздно.

— Почему? — мой вопрос тонет в гуле голосов, что наполняют гостиную.

Краем сознания я улавливаю то, что все до единого они мужские, но понять, что именно это означает, могу, только когда захожу в самую большую комнату нашего дома. Все звуки смолкают, и все внимание сосредотачивается на мне.

Я врастаю ногами в пол, теряясь от такого количества мужчин, большая часть из которых — кавказцы. Взгляд блуждает от одного лица к другому, когда я замечаю того, кого встречала лишь однажды.

Он впивается в меня тяжелым и слишком пристальным взором, от которого у меня учащается пульс и по позвоночнику сползает ледяная капля пота. От напряжения, повисшего в помещении, кажется, что даже воздух звенит.

— Господа, это моя дочь Лада, — голос отца дрожит, когда он представляет меня гостям.

Никто ничего не говорит в ответ. Они продолжают молча разглядывать меня. Будто я товар на витрине.

А тот мужчина, что довез меня до травмы после аварии, он не разрывает нашего зрительного контакта. Но я не выдерживаю и опускаю глаза, чувствуя себя так, будто из меня вытянули всю энергию.

— Пусть девочка подождет, — звучит тот самый голос, что убеждал меня в том, что лучше не иметь друзей, чем надеяться на таких, как у меня. И кожа покрывается мурашками.

Почему они здесь?

Это единственная внятная мысль в моей голове.

Но отец не дает никаких ответов. Вместо этого он поручает Борису отвести меня в кабинет.

— Борис, что происходит? — спрашиваю я у начальника охраны отца, как только оказываюсь в стороне от глаз посторонних.

— Ничего не могу сказать, Лада.

— Что папа задумал?

— Прости, но это не я должен тебе говорить.

— Скажи хотя бы, для чего здесь эти люди? — у меня есть крохотная надежда, что они здесь лишь для того, чтобы убедиться в моем добром самочувствии. — Они здесь из-за столкновения?

— Во многом из-за него.

— То есть это не основная причина? — выжидающе смотрю на него, но в его взгляде лишь сталь.

— Ты все узнаешь сегодня, — говорит загадками. — Сиди тут, — закрывает дверь в кабинет отца, где я жду долгие полчаса чего-то.

В голове роится множество мыслей, и ни одна из них не радует меня. Слова мачехи засели где-то на подкорке, и я не могу сделать вид, будто не слышала их. Да еще это странное знакомство. Для чего?

Неужели папа так и не объяснит мне ничего?

Сидеть тихо на месте не получается, и я брожу из угла в угол, не зная, чего ожидать. Но предчувствие беды меня не отпускает.

Дыхание рваное, и органы будто скрутило в узел. Мне плохо. Не просто плохо, а кажется, что я на грани панической атаки.

Я вскакиваю с кресла, как только дверь приоткрывается, в надежде получить ответы от отца. Но вместо родного лица вижу совершенно другого человека.

— Сегодня ты выглядишь лучше, чем когда прыгнула ко мне под машину, — бросает он с порога, проезжаясь по мне взглядом.

— Я не прыгала...

— Неважно. Ты уезжаешь со мной, немедленно.

— Зачем? — кажется, что он должен добавить еще какую-то информацию.

— Теперь ты принадлежишь мне, и я не оставлю свою собственность без присмотра.

— Это шутка какая-то?

— Никаких шуток. Твой отец отдал тебя мне. И теперь я распоряжаюсь твоей жизнью.

Глава 4

— Какие-то у вас несмешные шутки, — смотрю на этого высокого кавказца, что теперь, когда он уже не просто незнакомец, а человек, заявляющий на меня права, кажется мне просто огромным.

— А это не шутки. Давай на выход, — стоит засунув руки в карманы брюк.

— Нет, — шагаю назад, будто у меня есть пути отступления. — Нет же! Нет! — упираюсь бедрами в стол. — Я не знаю, что папа вам наговорил и зачем вы идете у него на поводу, но это слишком жестоко.

— Я разве похож на клоуна? — спрашивает серьезно, и у меня от его интонации кожа покрывается мурашками.

— Нет, — мотаю головой.

— Считаешь, что я бы маялся такой херней, тупо чтобы проучить бестолковую малолетку? — он не повышает голос, но говорит так, что мне становится не по себе.

— Я не знаю, — вырывается из меня тихий всхлип, потому что мне становится страшно. Страшно, что все это может оказаться правдой.

— Тебе не нужно знать. Тебе придется слушаться. У меня не так много времени на уговоры. Поэтому прошу на выход, — встает чуть боком, освобождая дорогу к двери, но я не двигаюсь с места. — Ну же! Вперед! — кивает он на выход.

— Нет, — стою не двигаясь, медленно осознавая, что все взаправду. Что отец не просто так игнорировал меня целую неделю. Он готовился к тому, чтобы со мной попрощаться. — Я хочу, чтобы папа сам мне это сказал.

Кавказец снова встает прямо, лицом ко мне, и я вижу, как его взгляд стремительно темнеет, а и без того хищные черты лица заостряются.

— Ты, видимо, не до конца поняла, Ромашка, — сцепляет он плотно челюсти. — У меня нет времени на шутки. Если ты не пойдешь своими ногами, то я тебя унесу. Но здесь ты больше не останешься.

Меня начинает потряхивать, и глаза заволакивает мутной пеленой.

— Нет, нет, нет! Он же... папа. Он не мог меня отдать какому-то первому встречному.

— Давай без истерик, — говорит раздраженно.

— Я не хочу никуда ехать! Вы не имеете права меня увозить! Я остаюсь здесь!

Так не бывает, чтобы в один миг отец перестал обо мне заботиться и просто избавился, как от какого-то мусора.

— Как он мог, я же единственный его ребенок?

— Именно поэтому мы заключили эту сделку, — продолжает уговаривать меня кавказец.

— Нет! — стою на месте, чувствуя, как по щекам текут слезы.

— Твою мать, — шипит он сквозь зубы, стремительно сокращая между нами расстояние.

По венам расползается холод, падая ледяной глыбой в живот, и я зажимаюсь, опасаясь агрессии со стороны этого незнакомого мужчины.

— Не смей ко мне подходить! — кричу я. — Я буду визжать! Орать и драться!

Готовлюсь биться до последнего за свою свободу, за свой выбор. И ни за что я не куплюсь на эту хрень!

— Иди к черту со своими приказами! — продолжаю верещать, когда мне в лицо выплескивается стакан воды.

— Успокоилась? — спрашивает холодно кавказец. — От твоих криков ничего не изменится. Твой отец отдал тебя мне.

Стою не двигаясь, пытаюсь осознать, что он только что совершил. По лицу стекают прохладные капли, срываясь с лица на грудь и дорогое платье. Невысказанные ругательства застревают в горле.

— Это больше не обсуждается! — гремит стальной голос. — Смирись. Чем быстрее ты примешь новую реальность, тем легче нам будет.

— Как он мог? Я не вещь! — наконец-то отмираю.

— Ты его дочь, и он распоряжается твоей судьбой. И он принял решение использовать тебя так, чтобы сгладить возникший у нас с ним конфликт. Он смог сделать единственное предложение, которое устроило обе стороны, — мужчина произносит все эти жуткие вещи, будто это в порядке вещей — вот так решать за людей, как им жить дальше.

— Он предложил меня? Это вас устроило?

— А ты не совсем безнадежна, — хмыкает он.

— Но зачем вам я?

— Будешь гарантом мира.

— Я не согласна, — цепляюсь за призрачную надежду, что у меня может быть выбор.

— Разве ты не поняла, девочка? У тебя нет права голоса. И теперь твоя жизнь полностью в моих руках. И лучше тебе мне не перечить, а делать все, что я говорю.

— Тогда вы меня отпустите?

— Исключено. Но я тот, кто может сделать твое существование чуточку приятнее. Или же, наоборот, превратить его в ад. Сделай правильный вывод, — смотрит прямо в глаза, давая понять, что в любом случае все будет так, как нужно ему.

А я... Я должна отыскать способ избавиться от него.

— Тамерлан, — заглядывает в кабинет еще один кавказец, — нам пора.

— Забери ее, Рамзан. И распорядись, чтобы ее привели в чувство.

Он выходит из кабинета, оставляя меня наедине с совершенно другим мужчиной.

— Ну что, Белянка. Поехали домой, знакомиться с семьей, — тот берет меня под руку и ведет к выходу.

— С какой... семьей? — не сразу понимаю, о чем он.

— С семьей, с которой ты будешь жить.

— Значит... я не буду жить с ним? — бросаю взгляд на широкую спину, что стремительно удаляется вперед.

— А это он сам решит, — усмехается мужчина. — Зависит от того, как ты будешь стараться.

Мне остается гадать, что именно он имеет в виду.

Глава 5

Папа не вышел меня провожать. Как не вышли и другие обитатели нашего дома.

Я лишь уловила шевеление портьер в гостиной, когда машина отъезжала от места, где я провела всю свою жизнь. От моего единственного дома. Другого я не знаю, и оттого душа разрывается на части.

И чем дальше мы отъезжаем от нашего особняка, тем сильнее я впадаю в панику, потому что мне страшно, больно, обидно и... я не знаю, с какой целью меня увозят и почему папа так поступил со мной. За что? Хочется кричать и плакать, но страх заключает меня в прочный кокон и не дает выпустить эмоции наружу. Потому что это ничего не изменит.

Эта мысль настолько яркая и болезненная, что я цепляюсь за нее, чтобы не раскиснуть.

Мужчина, тот самый, который приходил ко мне в кабинет, едет в другом автомобиле. А я сижу в компании трех кавказцев, бросающих на меня заинтересованные взгляды, но не говорящих ни слова до тех пор, пока, спустя около часа, мы не въезжаем на территорию не просто большого особняка, а настоящего имения, такой огромной кажется территория.

— Выходи, — распахивает мою дверь тот, кого называл Рамзаном мой новый... Кто он мне? Даже не знаю, как его назвать.

Я так и не поняла, для чего я этим людям и что со мной будет.

— Где мы? — спрашиваю у мужчины, оглядываюсь на другой автомобиль, откуда вышла охрана, но не было того самого, что “обрадовал” меня переменами в моей жизни.

— Дом Аскеровых, — сухо отвечает он.

— Я должна жить здесь? — хочу знать все подробности своего нового существования.

— Да, — не удосуживается посвятить меня в детали. — Иди, — кивает на крыльцо.

Перед тем как войти в дом, я снова оглядываюсь назад, надеясь увидеть того, кто забрал меня из отчего дома. Но его машина исчезла.

— Рамзан, наконец-то! — встречает нас прямо у входа пожилая женщина в темно-синем платье, с покрытой в тон наряду платком головой. — Почему так долго? — бросает на меня вопросительный взгляд.

— Возникли сложности, — отвечает он сухо.

— Рамзан, сынок, — снова стреляет глазами в меня. — А это кто?

— Тамерлан объяснит сам, — слышу усталость в голосе этого здоровяка.

— А где он? Я бы хотела сейчас послушать объяснения.

Похоже, о том, что мне предстоит жить в этом доме, не знала не только я, но и его обитатели. И это запутывает меня еще сильнее.

— Позже подъедет. Сказал, чтобы девчонке выделили комнату.

— А надолго к нам гостя? — не знаю, намеренно ли она говорит обо мне в третьем лице, игнорируя мое присутствие, но мне становится не по себе от такого приема.

Пусть я не ждала встречи с ковровой дорожкой и оркестром, но и той, кого не хотят видеть с собой под одной крышей, я быть тоже не хочу.

— Тётя Гаянэ, — выдыхает Рамзан. — Я не стану дурным вестником.

— Понятно, — женщина смотрит на меня оценивающим взором, поджав губы. — А что, там, откуда вы ее взяли, одежды не осталось?

Чувствую, как кровь приливает к лицу. Потому что я совершенно забыла о своем внешнем виде. Меня забрали из дома в том, в чем я была, не дав возможности переодеться и тем более собрать вещи.

Рамзан лишь пожимает плечами. А я, опомнившись, скрещиваю руки на груди, скрывая декольте.

— Моя задача — доставить ее.

— Ясно, — снова говорит она, не скрывая недовольства. — Иди ужинать, Рамзанчик, — обращается к мужчине с каким-то особым теплом. — А я, так уж и быть, устрою нашу гостью.

Она дожидается, когда Рамзан уйдет, и только после этого спрашивает:

— Одежды у тебя нет, это я поняла. Но, может, хотя бы имя имеется?

Каждое ее слово сквозит пренебрежением, и я не знаю, как реагировать на это.

— Лада, — отвечаю так же сухо, как и она общается со мной.

— Ну, пойдем, Лада. Я покажу тебе спальню. И надеюсь, что мой сын сумеет мне внятно объяснить, почему ты у нас гостишь.

— А вы не сильно любите гостей, да? — не удержавшись, спрашиваю ее.

— На твоём месте я бы не дерзила так, — цедит сквозь зубы.

— На моём месте я бы предпочла остаться дома.

— Так, — останавливается она на лестничном пролёте. — Что значит “предпочла”?

— Лишь то, что по какой-то причине ваш Тамерлан забрал меня у отца и сказал, что теперь распоряжается мной, как вещью.

— Что? — с ее лица сползает краска, превращая его в восковую маску.

— Знаю лишь это, — пожимаю плечами.

Женщина еще какое-то время смотрит на меня, обдумывая услышанное.

— Как, говоришь, твоя фамилия?

— Новикова, — не отвожу взгляда и замечаю, как вспыхивают ее глаза.

— Будем знакомы, Новикова Лада. Я тётя Гаянэ Аскерова, — отворачивается и продолжает подниматься вверх.

Я иду следом, стараясь понять ее реакцию на мою фамилию.

Мы поднимаемся на третий этаж, и женщина ведет меня в самый дальний конец коридора. Толкает одну из дверей, включая свет.

— Прощу, Новикова Лада, — сейчас мне мерещится издевка в ее голосе. — Располагайся, но надеюсь, что ты надолго у нас не задержишься.

— Мне сказали, что я не вернусь больше домой.

— Даже так? А в качестве кого тебя привезли в дом моего сына?

— Это все, что я знаю.

— Тогда... будь готова, что это не понравится его жене.

— Что? У Тамерлана есть жена? — отчего-то казалось, что если мужчина нарекает женщину своей собственностью, то значит, он имеет к ней мужской интерес.

Хотя что я знаю о мужчинах? Только то, что видела в фильмах, читала в книгах и о чем разговаривали подруги и горничные.

— Да, — отвечает она нехотя. — Поэтому я буду ждать его объяснений на твой счет. И надеюсь, что ты привезена сюда для работы, а не для развлечений. Иначе твое присутствие навлечет беду на нашу семью.

— Почему? Я же ничего не сделала...

Но тётя Гаянэ смотрит на меня свысока.

— В любом случае тебе не рады здесь. И сильно не привыкай к этому дому. Нам тут такие не нужны.

— Какие такие? — ощущаю, как жар наползает снизу вверх на лицо.

Но вместо ответа она отворачивается от меня и выходит из комнаты, оставляя в одиночестве.

Ночь выдается ужасная. Я не сплю. Ворочаюсь и тихо плачу. А когда наконец-то засыпаю, меня будит истошный крик...

Глава 6

Замираю, а в следующее мгновение дергаюсь, сев на кровати и прислушиваясь к звукам.

Крик повторяется, и у меня от этого звука волосы на теле приподнимаются. Я сижу, не сразу вспомнив, где я нахожусь. А когда воспоминания минувшего вечера накрывают меня, вместе с повторяющимся криком, мне начинает казаться, что я нахожусь в аду.

Леденящий душу крик снова и снова повторяется, и я поднимаюсь на ноги. Затягиваю потуже пояс халата — единственной одежды, что я отыскала накануне в комнате, — и выглядываю наружу.

Осторожно приоткрываю дверь и, быстро переставляя ноги, бегу в сторону жуткого звука, опасаясь, что кому-то требуется помощь, а я иду на зов слишком долго.

Иду по коридору до тех пор, пока не оказываюсь в просторном зимнем садике. Посреди густой зелени стоит юная девушка и, сжав кулаки, визжит что есть мочи.

Я замираю, не понимая, что это все означает.

Но она даже меня не видит, так как ее глаза закрыты. А когда она делает новый глубокий глоток воздуха, распахивая веки, то замечает меня и ее крик обрывается где-то на подходе к горлу.

— Привет, — тихо говорю я, смутившись от ее ошалевшего взгляда.

Незнакомка молча рассматривает меня и не двигается с места.

— У тебя все в порядке? — снова говорю я. — Ты так кричала... я думала, что это крик о помощи...

Вместо ответа девушка продолжает на меня смотреть так, будто я призрак. А у меня появляется возможность лучше разглядеть ее. Большие карие глаза в обрамлении густых черных ресниц, хорошенький носик, пухлые губы, которым позавидовали бы все девчонки у нас в универе, и копна шикарных блестящих темных волос по пояс.

— Значит... я зря беспокоилась? — делаю еще одну попытку заговорить, решив уйти в комнату немедленно, потому что чувствовать себя душой не очень приятно.

— Ты кто? — наконец-то произносит она.

— Я — Лада, — отвечаю, чувствуя себя как-то нелепо.

— Откуда ты тут? — следует другой вопрос.

— Меня... — думаю, как правильно ответить на него, но впадаю в ступор. Вдруг это та самая жена Тамерлана и я сейчас напорюсь на неприятности? Хотя... судя по виду девушки, ей где-то восемнадцать-девятнадцать лет, в то время как хозяину дома около тридцати. — Меня привезли вчера...

— Кто? — не отстает она.

— Рамзан... — говорю неуверенно. Пусть это будет самый безобидный вариант ответа.

— Зачем?

— Это что, допрос? — внезапно не выдерживаю и сразу же жалею о своей резкости.

Взор девушки мгновенно меняется с удивленного на нахальный.

— А вдруг ты воровка, проникшая в дом, чтобы нас ограбить? — сощуривается она.

— В халате? — киваю на свой наряд. — И пришла сама на крик?

— Ну ты... может быть, ты совестливая, — ухмыляется она.

— Все равно логики нет.

— Тогда вдруг ты одна из девок, что... — хочет сказать что-то дальше, но густо краснеет.

— Продолжай, — а мне становится смешно оттого, насколько она на самом деле маленькая и скромная.

— Ну для этих дел, — понижает она голос, оглядываясь по сторонам, будто опасаясь, что нас могут услышать. Хотя я уверена, что если тут кто и был до моего появления, то этот кто-то сбежал от ее крика.

— А у вас тут такое бывает, да? — подобные новости расстраивают меня еще больше. Потому что у нас в доме никто из obsługi и охраны не смел заводить никаких личных отношений на нашей территории. И если бы папа узнал, он сразу бы уволил человека, нарушившего правила.

— Я не видела, но слышала, что кое-кто из мужчин ходит за этим в город... — говорит незнакомка, потупив взор.

— Нет, — наконец-то решаю вставить слово, чтобы отстоять свою честь. — Я не для этих дел. Меня забрали из дома и сказали, что теперь я живу здесь.

— Кто так сказал? — смотрит на меня с подозрением. — Рамзан не может принимать таких решений.

— А кто может? — знаю, что с незнакомцами нужно быть настороже, потому что никогда не известно, чем может обернуться очередная встреча.

— Только Тамерлан. Мой брат, — она вздергивает подбородок вверх, и я выдыхаю, чувствуя, как камень падает с плеч.

— Значит, он... — отвечаю неопределенно.

Девушка ничего не говорит, только рассматривает меня в ответ, и я ощущаю себя музейным экспонатом.

— Интересно... — говорит она задумчиво. — Вот Замира взбесится, — произносит внезапно, с широченной улыбкой на лице.

— А Замира — это?..

— Злобная ведьма, решившая, что вправе командовать всеми и распоряжаться в нашем доме.

Похоже, дружбы между девушками не случилось.

— Тебе она не нравится?

— Нет. Потому что это из-за нее меня хотят выдать за старого вонючего извращенца, который повадился таскаться к нам каждый день.

— Но ты же вправе отказаться.

— Нет у меня такого права, — бросает она с досадой. — Но зато я могу сделать так, что он сам меня не захочет, — произносит довольно.

— Поэтому ты кричала? — озаряет меня догадка.

— В точку, — скрещивает руки на груди. — Я, кстати...

— Малика! — раздается знакомый громоподобный голос, и следом за ним появляется тот, чьего появления я ждала весь прошлый вечер. — Что ты снова устроила? — рывкает он, но замечает меня и замирает. — А ты что тут делаешь?

— Я? — смотрю удивленно. — Живу.

— Убирайся в свою комнату и не смей выходить до тех пор, пока тебе не разрешат!

— Что? — смотрю на него, ничего не понимая.

— Немедленно! И не смей приближаться к моей сестре. Ослушаешься — и тебе не понравятся последствия, — говорит так, что у меня нет сомнений: он исполнит свою угрозу.

Глава 7

Пока иду обратно в спальню, слышу разговор на непонятном для меня языке. Тамерлан резко спрашивает о чем-то сестру, а Малика отвечает ему с какой-то агрессией.

Я же тороплюсь скрыться от них, потому что кажется, будто я подсматриваю и подслушиваю. Хотя девушка произвела на меня приятное впечатление, но не могу ручаться, что и я на нее. И все же наше знакомство оставило хоть какой-то положительный след.

Все же... меня здесь никто не ждал и видеть не особо горит желанием.

Забегая в спальню и начинаю измерять тесное пространство шагами. Утро запутало меня еще сильнее, потому что теперь я окончательно не понимаю, что меня тут ждет.

В моей комнате не слышно происходящее в коридоре или в остальном доме, и мне становится не по себе.

Долго я должна сидеть в четырех стенах?

Конечно, папа меня часто наказывал. Но это никак не отражалось на моем праве передвигаться по дому. И появляться на кухне.

Словно отражая мои мысли, в животе начинает громко урчать.

Решаю, что если в ближайшее время обо мне никто не вспомнит, то пойду сама напомню обитателям этого дома о себе.

Но не успеваю даже заякориться на этой мысли, как дверь распахивается и я вздрагиваю.

На пороге стоит Тамерлан и смотрит на меня исподлобья, а я замираю на месте и даже не дышу, ощущая, как страх расплзается по венам.

Он резко захлопывает за собой дверь и решительно проходит внутрь, не отрывая от меня какого-то темного и бешеного взгляда.

— Зачем ты покинула комнату? — гремит его голос.

У меня же этот вопрос пробуждает протест! Что он себе позволяет? Я не какая-то дешевка безродная! Мой отец — один из самых уважаемых людей этого города!

— Не имею права? — вздергиваю подбородок выше и стараюсь выдержать этот взор, который больше напоминает темную бездну, утягивающую только глубже.

— Разве тебе сказали: “Чувствуй себя как дома”? — его лицо искажает гримаса ярости.

— Нет. Мне вообще ничего не сказали! И, как оказалось, никто даже был не в курсе не только того, что теперь я здесь живу, но и, видимо, моего существования! — почти выкрикиваю и сама поражаюсь собственной смелости.

— А чего ты ожидала? Красной ковровой дорожки? Лепестков роз? — усмехается.

— Ничего! До вчерашнего дня я даже понятия не имела, что меня просто отдадут, как какую-то ненужную вещь, которую потом задвинут в дальний угол шкафа и забудут! — глаза начинают жечь.

Все происходящее напоминает какой-то кошмар, в который мой мозг до конца не может поверить.

Тамерлан ничего не говорит, просто прожигает меня этими своими черными свирепыми глазами.

— Неужели для этого вы забрали меня из дома? Мой отец позволил, чтобы его единственная дочь жила вот так? На меня же здесь смотрят как... Я даже слов не могу подобрать!

— Никто не обещал, что тебе будут тут целовать ноги и поклоняться твоей светлости.

— Разве этого прошу? Я хочу просто понимать, для чего я здесь, и обычного, человеческого отношения. Зачем я здесь? Могу я хотя бы получить какую-то одежду и завтрак?

— Хм, — усмехается этот здоровый злобный кавказец. — Одежду? Конечно. Как и завтрак.

У него появляется странное выражение лица, которое не предвещает ничего хорошо.

— Но?.. — жду подвоха.

— Ты же понимаешь, что ты тут не гостя?

— Догадываюсь, — мне становится не по себе.

— О чем еще ты догадываешься?

— Да как-то даже предполагать страшно. У вас есть жена, здесь же в доме живет ваша мама и сестра... — мне даже не хочется допускать мысли, что Тамерлан настолько беспринципное чудовище, чтобы взять меня у отца в качестве любовницы и притащить под нос своим близким.

— А вроде такая смелая, — ухмыляется негодяй.

— О чем вы договорились с папой? — сложно представить, на каких условиях меня отдал чужому мужчине мой единственный близкий и родной человек.

— Теперь ты принадлежишь этой семье.

— Что это значит?

— Лишь то, что ты станешь женой моего брата. А до этого тебе придется обучиться нормам приличия и поучиться у наших женщин, как быть хорошей женой.

— Я не выйду замуж за незнакомца, — его слова кажутся бредом.

— Тогда... — он делает шаг ко мне навстречу, останавливаясь на неприлично близком расстоянии.

У меня перехватывает дыхание, и я боюсь поднять глаза вверх. Но его запах касается моих ноздрей, и это странным образом волнует меня.

— Что? — все-таки смотрю вверх, чтобы избавиться от этого странного ощущения.

— Раз ты не хочешь замуж за незнакомца... тогда ты можешь стать моей второй женой... — оглушает своим предложением.

Глава 8

— Здравствуй, — после короткого стука заходит ко мне в спальню Гаянэ, держа в руках стопку одежды. — Как прошла твоя ночь? — пристально осматривает меня, будто сканер.

— Тревожно, спасибо, — сажусь ровнее в кресле, приготовившись к очередному потрясению. Потому что... эта женщина вряд ли просто принесла одежду. Я бы на ее месте хотела сказать мне что-нибудь еще, если бы знала, что мой сын рассматривает меня как потенциальную вторую жену.

— Я принесла тебе одежду, чтобы переодеться, — она подходит к кровати и опускает стопку на расправленную постель.

— Спасибо, вы очень любезны, — слежу за ее перемещением, как мышка за траекторией движения хищника.

— Я поговорила с сыном, — продолжает она сдержанно, останавливается в паре шагов от меня и, видимо, ждет от меня какой-то реакции. Но ее не будет. — Он... — делает шумный вдох, — рассказал мне, с какой целью ты пожаловала в наш дом.

Гаянэ отходит, выглядывая в окно.

— Признаться, я не ожидала... подобного.

— Не вы одна, — усмехаюсь, чувствуя, как во рту разливается горечь.

— Обычно... — игнорирует она мои слова. — Мы выбираем девушек нашей крови. Но... так сложились обстоятельства, что теперь ты станешь частью нашей семьи, — вижу, с каким трудом даются ей эти слова. — И мне нужно понимать, к какому решению ты пришла.

— Я все еще хочу вернуться домой, — предложение Тамерлана прозвучало как бред, который я даже рассматривать серьезно не стану.

— Это невозможно, — оборачивается она и снова смотрит мне в глаза.

— Почему?

— Есть обстоятельства... — видно, как она сдерживается, чтобы не наругать.

— Какие?

— Об этом тебе лучше поговорить с моим сыном.

— Вы же понимаете, что я нахожусь в еще большем потрясении, чем вы? Вот я жила обычной жизнью, училась в университете, возвращалась домой, ходила на приемы. И в один прекрасный день это все обрывается. Родной отец отдает меня незнакомому мужчине и не дает даже собрать вещи.

— Мне это сложно понять, — тяжело вздыхает женщина. — Но в жизни так случается, когда мы не властны над обстоятельствами и должны только адаптироваться под них.

— А если я не хочу? — мне так хочется, чтобы она поняла меня и помогла сбежать. — Что, если я хочу нормальной жизни?

— Я не в состоянии тебе помочь с этим. У наших семей договоренность.

— По которой я должна выйти непонятно за кого.

— Ты говоришь о моем сыне!

— Сыновьях... — хочу ее поправить.

— Сыне... и... — она на мгновение прикрывает веки, — пасынке.

— То есть... Тамерлан хочет отдать меня замуж за сводного брата?

— Да. Исмаил — сын моего супруга от второй жены.

— Ясно... — понимаю, что все запутывается еще сильнее. — Но я не могу выйти за человека, которого никогда не видела.

— Выйдя за него замуж, ты будешь первой женой, — видимо, так звучит главный аргумент в пользу ее пасынка.

— Но не единственной, — уточняю.

— Да. Исмаил будет вправе взять вторую жену, если появится такая необходимость.

— А судя по тому, как мне тут “рады”, она обязательно появится? — мне хочется рассмеяться тому, насколько все это нелепо.

Зачем все эти уговоры, если результат один? Я буду жить с посторонним для меня человеком и, помимо этого, буду не главной женщиной в его жизни, а в роли массовки.

— Что ты хочешь услышать от меня, Лада? — Гаянэ внезапно теряет самообладание. — Что я в восторге от этой ситуации? Нет. Но таково решение главы нашей семьи, и я не стану его оспаривать...

— А жаль, — теперь не выдерживаю я. — Потому что меня просто продали в рабство.

— Что ты такое говоришь? Ты будешь женой! Уважаемой женщиной!

— С нелюбимым мужем.

— Любовь не самое главное... Самые крепкие браки строятся на взаимоуважении.

— Это у вас! — глаза заволакивает пеленой, что мешает мне смотреть на женщину. —

В моем мире замуж выходят по любви!

— И много счастья она приносит? Любовь ваша?

— Не знаю. Но... — я понимаю, что меня никто никогда по-настоящему не любил и уже не полюбит. — Я так о ней мечтаю...

В комнате повисает тишина и слышны только мои всхлипывания.

— В общем, приведи себя в порядок и спускайся на завтрак. Будем знакомиться с женихом.

— Но я еще не дала ответ, — меня возмущает, что снова все решили за меня.

— Ну ты же не глупая, — смотрит пристально. — Зачем тебе быть на вторых ролях, когда ты в состоянии сделать так, чтобы мужчина всецело принадлежал тебе.

— А если мне понравился Тамерлан? — перестаю плакать, пытаюсь рассмотреть ее лицо, что после моих слов застывает гипсовой маской.

— Мой тебе совет, девочка, — Гаянэ подходит ближе и говорит с жаром, — выходи за Исмаила и даже не думай о Тамерлане.

— Так сильно не хотите видеть меня своей невесткой? — почему-то это ранит. — Погубит он тебя, глупую.

— Как?

Но вместо ответа она поджимает крепко губы и направляется к двери.

— Сломает он тебя, глупую, — бросает через плечо. — А ты... ты будешь его любить, несмотря ни на что.

Глава 9

— Здравствуйте! — застываю на пороге столовой и обвожу взглядом собравшихся, натягивая рукава свитера на ладони, пытаюсь спрятать волнение.

Гаянэ дала мне белый свитер и джинсовую юбку в пол. Наряд, конечно, далек от моего привычного гардероба, но все же лучше тех платьев, что носят женщины в этом доме.

За столом сидят Гаянэ, Малика, успевшая заплести волосы в косу, красивая девушка, старше меня лет на пять, и еще пожилая женщина, которая особенно пристально рассматривает меня.

— Здравствуй! — говорит самая старшая за столом. — Присаживайся, — кивает она на место рядом с Маликой, и я облегченно выдыхаю, потому что из собравшихся она одна кажется мне самой адекватной.

Поднимаю голову и встречаюсь взглядом с той, другой, что, судя по колючему, презрительному взгляду, и есть жена Тамерлана.

— Меня зовут бабушка Сусанна, — представляется пожилая женщина, сидящая во главе стола. — Ну, познакомимся поближе, — она наливает мне чай в фарфоровую чашку. — Это моя невестка, Гаянэ, вы уже познакомились. А это Замира, жена моего старшего внука, Тамерлана.

“Так вот она какая, та самая злобная ведьма”, — проносится в голове, пока я киваю в ее сторону.

Замира отвечает едва заметным, холодным кивком, ее губы складываются в тонкую ниточку. Она идеальна, с безупречным макияжем, в дорогом, строгом платье и с собранными в тугую пучок волосами.

— А это Малика, наша непоседа, — бабушка указывает на сестру Тамерлана, та подмигивает мне, явно довольная подобным развлечением.

— Тамерлан рассказал нам о непростой ситуации, — начинает бабушка Сусанна. Ее голос спокоен и полон какого-то тепла. — И о решении, которое было принято.

Замира издает тихий, но отчетливый фыркающий звук. Все за столом замирают.

— У тебя есть вопрос, Замира? — холодно спрашивает Гаянэ.

— Вопрос? Нет. Просто удивлена, — отвечает Замира сладким, ядовитым голосом, смотря прямо в глаза свекрови. — Как в нашем доме, где чтут традиции, появилась... девушка с такой сомнительной репутацией? И не просто появилась, а с целью стать частью семьи. Она не нашего круга. Исмаилу обещали другую жену.

Воздух в комнате становится густым и тяжелым. Малика закатывает глаза. Гаянэ сжимает губы.

— Репутация — это то, что создается поступками, а не слухами, — спокойно парирует бабушка Сусанна. — И решение о том, кто достоин стать частью нашей семьи, принимают мужчины. Не мы. Наше дело — поддерживать порядок и мир в стенах этого дома, пока они решают важные дела.

Ее слова звучат не просто как укор, а как напоминание о месте каждой из нас в этом доме. Замира бледнеет и отводит взгляд, но я вижу, как затаенная злость тлеет в ее глазах.

Из другой комнаты доносится гул мужских голосов. Я стараюсь прислушаться, чтобы понять, о чем речь, но не получает разобрать ни слова. Неразборчивый диалог, низкий смех и короткие реплики.

— Лада будет жить у нас, учиться нашим обычаям, — продолжает бабушка Сусанна, обращаясь ко мне, но ее слова звучат словно сквозь вату. — А там видно будет. Время все расставит по своим местам. А пока кушай, набирайся сил. Тебе предстоит нелегкий путь.

Я механически отламываю кусок хачапури, но не могу заставить себя его съесть. Каждый взгляд Замиры, прилипший ко мне, обжигает.

Внезапно мужские голоса в соседней комнате смолкают. Слышатся шаги. Дверь распахивается, и на пороге появляется Тамерлан. Он уже переоделся в темные брюки и темную рубашку с пиджаком. Его появление заставляет всех женщин за столом выпрямиться и замолчать. Даже Замира меняется в лице, ее взгляд становится подобострастным и влюбленным.

Он не заходит в столовую, оставаясь на пороге. Его взгляд скользит по столу, на секунду задерживается на мне, затем обращается к матери.

— Исмаил будет через полчаса, — говорит он ей. — Будь готова, — а это он произносит, глядя мне в глаза.

И, не дожидаясь ответа, разворачивается и уходит. Диалог окончен. Приказ отдан.

Я сижу, стараясь дышать ровно, понимая, что попала не просто в чужой дом, а на самое дно змеиного гнезда, где моя судьба решается за закрытой дверью мужской трапезы. И самая ядовитая змея здесь не грозный Тамерлан, а его прекрасная и мстительная жена, чье место и статус я, сама того не ведая, внезапно поставила под сомнение.

Сердце падает куда-то в пятки. Мой будущий муж — незнакомец, за которого мне предстоит выйти замуж, чтобы не стать второй женой своего похитителя.

Но глядя на ненавидящее лицо Замиры, я понимаю, что брак с Исмаилом не избавит меня от войны. Он только станет ее началом.

Остается надеяться, что мне понравится жених.

Но когда он приезжает, я стою не двигаясь, пораженная увиденным.

Глава 10

— Исмаил, — подходит к молодому мужчине бабушка и целует его в щеку.

А я застываю на месте, потому что он... он невероятно хорош. Мало того что он молод, наверное старше меня всего на пару лет, так еще и высок, подтянут и у него на лице нет этой жуткой растительности, благодаря чему я могу рассмотреть его идеальные черты лица. Красивые раскосые карие глаза, ровный нос и чувственные губы. И помимо всего прочего, он одет вполне современно. Белая футболка поло, джинсы и кроссовки.

Сердце екает, и я краснею, когда наши глаза встречаются.

Мне становится нестерпимо стыдно за то, что, в отличие от него, я одета непонятно во что. В подобном наряде ходят разве что монашки. И хочется провалиться сквозь землю.

— Здравствуйте, бабушка, — целует ее в ответ Исмаил.

— Ты вовремя, — строго разговаривает с ним старшая в семье. — Познакомься, это Лада.

Услышав свое имя, я отмираю и опускаю глаза, чувствуя на себе внимание Исмаила.

Он подходит ко мне, и я ощущаю, как по спине бегут мурашки. Но это не тот леденящий страх, который я испытываю рядом с Тамерланом. Это, скорее, нервное, щемящее ожидание и предвкушение чего-то...

Сердце замирает, когда он оказывается в шаге от меня.

— Лада, — произносит он мое имя мягко.

Исмаил протягивает руку для рукопожатия, и я автоматически вкладываю свою ладонь в его. Она сухая, теплая и широкая. И кажется, что он будет держать меня так же крепко, как мою руку.

— Приятно познакомиться, — говорит он, не отрывая взгляда от меня.

— Взаимно, — выдавливаю я, заставляя себя поднять на него глаза.

Исмаил улыбается, и его улыбка преображает лицо, делая его почти беззащитным. В ней нет ни высокомерия Тамерлана, ни скрытой угрозы. Но где-то в глубине его взгляда, за искренним интересом, я улавливаю тень той же усталости, что видела в глазах Малики. Тень человека, который не до конца распоряжается своей жизнью.

— Надеюсь, тебе у нас не слишком неуютно, — говорит он, отпуская мою ладонь.

Прежде чем я успеваю ответить, в дверном проеме возникает Тамерлан. Он не говорит ни слова, просто опирается о косяк, скрестив руки на груди, и его присутствие мгновенно меняет атмосферу в комнате. Его высокая, мощная фигура словно тень, омрачающая все светлое в этой жизни.

Замира тут же выпрямляется, ее взгляд становится подобострастным. Даже Исмаил слегка напрягается, его улыбка становится более сдержанной.

— Знакомство состоялось, — комментирует хозяин этого дома. — Выйди на минутку, — он обращается к брату, но я чувствую, как его взгляд впивается мне в щеку.

— Хорошо, — кратко отвечает мой потенциальный жених. — Прошу прощения.

Исмаил тут же направляется к старшему. Дверь захлопывается за ними. Я остаюсь стоять под тяжелыми взглядами женщин. Замира смотрит на меня с ледяным презрением, а Гаянэ и Сусанна что-то тихо обсуждают между собой на родном языке.

Когда мужчины возвращаются, Исмаил выглядит собранным, и я вижу решимость в его глазах.

— Тамерлан считает, что нам стоит прогуляться, познакомиться поближе, — говорит он. Мы выходим в сад. Воздух чист и прохладен после вчерашнего дождя.

— Красиво здесь, да? — слышу дружелюбие в его голосе. — Бабушка Сусанна обожает розы. Это ее королевство.

Я молча киваю, сжимая пальцы. В моем доме был еще более шикарный сад, но я молчу, не желая создавать неприятных ситуаций.

— Мне сказали, ты учишься в университете, — продолжает он. — На кого?

— На филолога, — коротко отвечаю я.

— Интересно. А я заканчиваю экономический. Отец настаивал, — он улыбается. — Я, например, увлекаюсь автоспортом. У меня есть свой болид, участвую в гонках.

Он пытается очаровать меня. Показать себя современным, интересным парнем.

— А тебе нравится скорость? — спрашивает он.

— Не знаю. Не пробовала.

— Тогда как-нибудь прокачу, — обещает он. — Покажу, что это такое.

Его уверенность поражает. Он не видит в этой ситуации, когда его заставляют жениться на незнакомке, ничего ненормального.

Я отворачиваюсь и смотрю на высокий дом, что кажется настоящим замком. И в этот момент вижу его. Тамерлан стоит на балконе второго этажа. Он смотрит на нас.

И кожу начинает жечь. Мне становится не по себе от его пристального взгляда, и я отворачиваюсь.

Исмаил, следуя за моим взглядом, тоже замечает брата. Он улыбается еще шире и легонько касается моей руки.

— Не обращай внимания. Тамерлан всегда все контролирует. Привыкнешь.

От его прикосновения кожа покрывается мурашками, потому что я понимаю, какой будет моя дальнейшая жизнь. За мной будут следить, наблюдать. Я никогда не буду свободна. Меня загнали в ловушку, и мне придется смириться с ней.

Или... я могу сделать так, что мой надзиратель будет есть с моей руки и выполнять мои желания?

Бросаю еще один взгляд на балкон, где Тамерлан все еще следит за нами, и пытаюсь представить, насколько этот человек способен потерять голову. И могу ли я стать той, кто вскружит ему голову до такой степени?

Или... не стоит искушать судьбу и довериться первому впечатлению?

Но так ли прост Исмаил?

Глава 11

— Привет! — падает рядом со мной на качели в саду Малика, как только Исмаил скрывается в доме.

— Привет, — смотрю на нее, и губы расплываются в улыбке.

Потому что она единственная, кто старается бороться за право быть такой, какая она есть.

— Как тебе Исмаил? Понравился? — без предисловий начинает допрос.

— Какая ты шустрая, — смеюсь.

— Ну серьезно?

— Тебе как ответить? Правду? — я тоже не хочу притворяться и подстраиваться под других людей.

Если папу я слушалась потому, что люблю его и хотела, чтобы он мной гордился и любил в ответ, то здесь мне совершенно неважно, что именно подумают все эти люди, которые в скором времени станут мне родственниками.

Даже мысли об этом кажутся какой-то нелепицей. И в то, что в действительности мне предстоит выйти замуж, я до сих пор не могу поверить.

— Конечно правду! — поджимает она под себя ноги и раскачивает наши общие качели. — Он же снаружи просто конфетка. Все девчонки с ума по нему сходят. Но...

Она бросает многозначительный взгляд в сторону дома, и мое сердце замирает. Это “но” звучит как предупреждение.

— Но что?

— Но он полностью под каблуком у семьи. Вернее, у Тамерлана. После смерти отца главой семьи стал он, и его слово — закон. Исмаил красиво улыбается, говорит правильные слова, но ни за что не пойдет против воли брата. Никогда. Если ему скажут, что ты его невеста, он будет ухаживать. Если решат, что ты ему не подходишь, он бросит тебя не моргнув глазом. Он как... красивая породистая собака на поводке. Ласковая, но не самостоятельная.

Ее слова падают в душу тяжелым камнем. То, что я приняла за искренность, оказывается хорошо выученным уроком. Исмаил удобный, управляемый кандидат.

— Он же твой брат... Зачем ты так?

— И что с того? Неужели я должна лгать в глаза будущей невестке, чтобы ты потом меня ненавидела за то, что я тебя не предупредила. Нет, я не хочу этого! — фыркает она.

— Почему?

— Ты мне понравилась, — пожимает она плечами, а я слегка смущаюсь от ее признания.

— А почему тогда твоя мама и бабушка так хотят этого брака? — пытаюсь понять логику. Малика усмехается, но в ее глазах нет веселья.

— Потому что это выгодно. Твой отец... он заплатил за мир не только тобой, Лада. Насколько я знаю, тут замешаны деньги. Очень много денег. А брак с тобой скрепит сделку и закрепит за семьей Аскеровых эти средства. Для них ты живая прибыль. А Исмаил... для него это шанс получить свой кусок пирога и немного свободы. Тамерлан пообещал ему отдать управление одним из подразделений, если он женится на тебе.

От ее слов становится тошно. Я не просто вещь, я — разменная монета в финансовой афере.

— А Тамерлан? — не выдерживаю я. — Чего он хочет? Почему он предложил мне стать... его второй женой?

Малика замирает и смотрит на меня с неподдельным ужасом.

— Он что, правда это сказал?

— Да.

— Ма ша Аллах! Лада, слушай меня внимательно, — она хватает меня за руку, холодными пальцами. — Это худшее, что может случиться. Замира сожрет тебя заживо. А сам он... с Тамерланом шутки плохи. Он не играет в чувства. Он глава семьи. Если он на чем-то помешался, он этого добьется. И разобьет вдребезги, если ему наскучат. Он как ураган. С Исмаилом ты будешь несчастна, но жива. С Тамерланом... Ты будешь ждать постоянного удара исподтишка.

Ее страх настолько искренен и заразителен, что по моей спине бегут ледяные мурашки. Я снова поднимаю взгляд на тот самый балкон, с которого за мной и Исмаилом наблюдал хозяин дома. Он пуст. Но ощущение, что за мной наблюдают, не проходит.

— Что же мне делать? — шепчу я, чувствуя, как этот сад становится капканом, который вот-вот захлопнется и не выпустит меня на свободу.

— Выбирай меньшее из зол, — так же тихо отвечает Малика. — Притворись, что Исмаил тебе нравится. Будь милой, послушной. Учи наши обычаи. Дай им понять, что ты не угроза. Заручись поддержкой наших женщин. А потом... потом мы что-нибудь придумаем. Вместе.

“Мы”. Это маленькое слово становится первым лучом света в кромешной тьме. У меня появился союзник.

— Думаешь, у нас получится? — киваю я, и в голосе впервые слышится решимость, а не отчаяние.

Малика не успевает ответить, потому что из дома выходит Замира. И кажется, она настроена далеко не так доброжелательно, как ее золовка.

— Малика, мама зовет тебя, — говорит она сладким, ядовитым голосом. —

— Хорошо, — подсказывает девушка и, перед тем как скрыться в доме, оборачивается ко мне с тревогой.

И похоже, что ее тревога не напрасна, потому что Замира не двигается с места и проживает меня взглядом.

— Прогуляемся? — ее губы растягиваются в приторной улыбке, в то время как глаза пытаются испепелить меня.

— Конечно, — соглашаюсь я, решая не бегать от угрозы, а узнать, насколько она опасна.

— Чудесно, — протягивает фальшиво и дожидается, пока я поднимусь на ноги.

Глава 12

— Как прошло твое знакомство с Исмаилом? — спрашивает она, глядя прямо перед собой.

— Он очень воспитанный молодой человек, — отвечаю я расплывчато, так же смотря на растения и не глядя на Замиру.

— Да, он очень галантный и привлекательный. Младший брат моего мужа — один из самых завидных женихов. Много семей мечтает получить его в зятья и породниться с нами, — рассказывает это таким тоном, будто я должна пасть ниц и благодарить Небеса за такую возможность. Но, видимо, она до конца еще не осознает, что я всего этого не хочу. — Я даже представить не могу, каково ему сейчас, когда... все его планы рушатся, — произносит с сожалением.

— Можем перейти сразу к сути, — я не хочу ходить вокруг да около, не собираюсь плести интриги. А эта женщина явно привыкла играть роль, притворяясь совершенно другим человеком.

— Не понимаю, о чем ты, — говорит она, и на ее губах играет легкая, почти невинная улыбка. Но ее глаза, холодные и оценивающие, выдают истинные намерения. — Я просто хотела познакомиться поближе с девушкой, которая, возможно, станет частью нашей семьи. Это же естественно, не так ли?

— Конечно, — отвечаю я, насторожившись. Ее сладкий тон пугает куда больше, чем открытая злоба.

— Исмаил — прекрасный юноша, — продолжает она, грациозно проводя рукой по лепестку розы. — Добрый, отзывчивый. Все его любят. И, конечно, у него большое будущее в семье. Тамерлан очень о нем заботится.

Она произносит имя мужа с особым, собственническим ударением, бросая на меня быстрый взгляд, чтобы оценить реакцию.

— Мне кажется, вы с ним составите чудесную пару, — ее голос звучит искренне, но в нем слышится холод. — Для всех будет лучше, если вы поскорее привыкнете друг к другу и все... встанет на свои места.

Она делает паузу, давая словам просочиться в мое сознание, как яд. Надеюсь отравить его силой своего убеждения.

— Что значит “на свои места”?

— Видишь ли, Лада, наша семья — это сложный механизм. Каждый винтик должен быть на своем месте. Я, как жена Тамерлана, стараюсь поддерживать в этом доме гармонию. И появление нового человека... всегда вызывает волнения. Некоторые из девушек в доме, — она многозначительно вздыхает, — бывают слишком впечатлительны. Могут неправильно истолковать внимание главы семьи. Принять вежливость за нечто большее. Это всегда кончается слезами. Или... хуже.

Она не смотрит на меня, а любит розой, но каждое ее слово нацелено на то, чтобы произвести на меня нужный эффект. Только меня смущает ее последняя фраза. Неужели ее супруг позволял себе интрижки в стенах собственного дома и на глазах жены? А она... она борется за него даже после этого?

— Тамерлан, конечно, великодушен. Но он не терпит, когда подрывают устои или сеют смуту. А я... — она наконец поворачивает ко мне свое безупречное лицо, и в ее глазах я вижу ледяную пустоту, — я просто оберегаю покой этой семьи. Любой ценой. И я всегда, ВСЕГДА знаю, что происходит в стенах этого дома.

В ее словах нет прямых угроз. Только завуалированные предупреждения и демонстрация власти. Она дает мне понять, что она здесь хозяйка, и она не слепая дурочка, все видит, и любая моя попытка приблизиться к Тамерлану будет немедленно замечена и жестоко пресечена.

— Замира, я ценю твою заботу о семейной гармонии, — отвечаю я, стараясь, чтобы мой голос не дрогнул. — И я прекрасно понимаю свое место.

— Я в этом не сомневалась, — ее улыбка становится чуть шире, чуть более удовлетворенной. — Ты кажешься умной девочкой. Умные девушки обычно делают правильный выбор. А теперь прошу прощения, у хозяйки дома много дел.

Она кивает мне и уходит не оглядываясь. Ее платье издает странный шорох при ходьбе, и меня это нервирует. Потому что этот звук напоминает шуршание змеи. И мне становится мерзко от намеков этой женщины и ее манипуляций.

Я остаюсь стоять, чувствуя, как по спине бегут мурашки. Замира не просто враг, а гадюка, готовая броситься исподтишка на жертву. И она только что дала мне понять, что наблюдает за каждым моим шагом.

Но вместо того чтобы испугаться ее скрытой угрозы, я чувствую, как во мне пробуждается упрямство.

Нет, я не стану совершать глупости. Я буду самой тихой и послушной, какой только можно быть. Я буду играть по их правилам так безупречно, что они все забудут обо мне. А это именно то, что мне нужно, чтобы выиграть время, для того, чтобы сбежать из этого серпентария.

Думая обо всем том, что произошло сегодня, я захожу в дом и поднимаюсь на второй этаж, как вдруг дорогу мне преграждает огромная тень.

— А теперь ты расскажешь мне все, о чем ты разговаривала с моим братом и женой, — тихо говорит Тамерлан и тянет меня за руку в свой кабинет.

Глава 13

— Проходи, — он распахивает дверь и затягивает меня внутрь.

Пульс частит, в животе все сжимается от страха, и ноги тяжелеют.

Я перешагиваю порог и запинаюсь, чувствуя, как лечу куда-то. Но меня ловят сильные руки и рывком ставят на ноги таким образом, что я оказываюсь прижата к большому и сильному телу.

Он такой горячий, твердый и почему-то вжимает меня в себя слишком сильно. Его ладонь лежит у меня на животе, и кажется, будто она прожигает ткань своим жаром. Слова застревают в горле, и я каменею, не зная, как реагировать.

Тамерлан тоже почему-то не двигается, и мне кажется, что я чувствую макушкой его дыхание.

Кровь, что отлила от лица в момент падения, стремительно возвращается обратно. Щеки пылают, как и все тело, но я даже вдох сделать не могу, парализованная происходящим.

— Осторожнее, — Тамерлан первый приходит в себя, но не спешит отпустить меня.

Я напрягаюсь еще сильнее, собираясь сказать уже что-то едкое, но он наконец-то убирает от меня руку и отходит в сторону. Только теперь у меня получается втянуть воздух, а еще устоять на ногах, несмотря на накотившую слабость.

— Ну? Я слушаю, — он садится в высокое кожаное кресло, стоящее за дубовым столом, и впивается в меня острым взглядом.

— Что конкретно? — озираюсь по сторонам.

Кабинет кажется полным отражением его хозяина: строгий, мощный, без легкомысленных деталей.

Книги в переплетах, дорогой компьютер, тяжелое пресс-папье и кожаный диван, стоящий вдоль стены. Ничего лишнего.

— Не притворяйся глупой. Это тебе не к лицу. О чем вы разговаривали с Исмаилом и Замирой. Я хочу знать каждое слово.

— Почему бы вам лично не спросить это у них? — вспыхиваю, чувствуя себя карманной собачкой, вынужденной выполнять команды.

— Значит, так, — черты его лица становятся еще жестче, острее. — Если я спрашиваю тебя, значит, я хочу это знать от тебя. И запомни раз и навсегда, если не хочешь нажать проблем: женщина в нашем доме не имеет права перечить мужчине, — отчитывает будто школьницу. — Надеюсь, это понятно?

— Более чем.

— Так о чем вы говорили?

— С Исмаилом мы гуляли, он рассказал про учебу, автоспорт. Он... милый, — произношу это, не глядя на Тамерлана.

Чувствую, что он внимательно смотрит на меня, и, не выдержав, поднимаю взор к нему. Его темные глаза, кажется, видят все мои тайные мысли.

— “Милый”, — он повторяет это слово с легкой, почти незаметной усмешкой. — Это все?

— Да. Он предложил как-нибудь прокатить меня на своей машине.

— И ты согласилась?

— Нет... Но и не отказалась.

Тамерлан медленно кивает, откидываясь на спинку кресла. Его взгляд становится тяжелее, пристальнее.

— А с Замирой? О чем вы шептались в саду, как две заговорщицы?

В горле пересыхает. Вот он, самый опасный момент.

— Она... всего лишь хотела узнать, понравился ли мне Исмаил. Рассказала о том, что он завидный жених, и сказала, что для всех будет лучше, если мы как можно быстрее привыкнем друг к другу и все встанет на свои места.

Я решаю не упоминать о “внимании главы семьи” и прочих намеках. Это лишнее.

— И все? — он не сводит с меня глаз.

— Да, — пожимаю плечами.

Тамерлан замирает. В кабинете повисает тишина, такая густая, что ее можно потрогать. Он смотрит на меня так, будто пытается разгадать сложнейший ребус. Потом его губы трогают что-то, отдаленно напоминающее улыбку, но в ней нет ни капли тепла.

— Удивительно, — ставит локти на подлокотники, соединяя пальцы домиком. — Это так непохоже на нее.

Он встает и медленно обходит стол, останавливаясь прямо передо мной. Я вжимаюсь в спинку кресла, пытаюсь увеличить дистанцию, но это бесполезно. Его фигура заслоняет собой свет из окна.

— Слушай меня внимательно, Ромашка, — последнее слово звучит с издевкой. — Твое место здесь — с Исмаилом. Это решено. Это единственный правильный выход.

Он наклоняется чуть ближе, и я чувствую исходящий от него запах кожи, дорогого парфюма и чего-то неуловимого, чисто мужского и опасного.

— Если тебе понравился мой брат, тогда мы в самое ближайшее время проведем торжество.

— Как скоро? — сердцебиение учащается.

— Постараемся устроить все за две недели. Все же ты должна понимать, что свадьба — это большое событие и мы не можем просто позволить вам расписаться в загсе.

— Да, — покорно киваю, стараясь не думать о том, что он слишком близко.

— Ты теперь под защитой моего рода, Лада. Это большая честь и большая ответственность. Твое поведение — это отражение нас всех. Твоя честь — наша честь. Позора я не потерплю. Ни от кого.

В его словах нет личной угрозы мне. Есть лишь устои, по которым отныне живу и я. Но это лишь до тех пор, пока я не сбегу. Впереди у меня две недели, чтобы найти способ исчезнуть из этой тюрьмы.

— Я поняла, — говорю я, и на этот раз это не ложь. Я наконец начинаю понимать, какой меня хотят видеть. И готова притвориться.

— Иди, — он кивает в сторону двери, но не отходит ни на шаг. — И впредь будь осмотрительна в поведении и словах.

А когда я поднимаюсь с кресла, мне приходится в очередной раз практически соприкоснуться с ним, но все же удается избежать контакта.

Я выхожу, и дверь за мной закрывается беззвучно. Я прислоняюсь спиной к стене, и по коже бегут мурашки. Потому что если мне удастся совершить задуманное, то семье Аскеровых не избежать позора.

Глава 14

— Лада, можно?

— Да, да! Входи! — откликаюсь на стук.

Дверь приоткрывается, и в комнату заглядывает Малика.

— Не занята? — спрашивает она, стреляя глазками по сторонам.

— Нет, — хмыкаю. — Чем я могу быть тут занята? — развожу руки в стороны.

— Ну вдруг, — Малика пожимает плечами. — Пройду? — теперь смотрит в глаза.

— Конечно, — я наблюдаю за ней и выключаю монотонный бубнеж телевизора.

После разговора с Тамерланом я больше не выходила из комнаты и ни с кем не разговаривала. Поэтому мне интересно, с чем именно пожаловала его младшая сестра.

— У тебя тут... — проходит дальше, осматриваясь по сторонам, — тесно, — хмыкает.

— Хорошо, что не в подвал определили, — получается горько усмехнуться.

— В какой подвал? — широко распахивает она глаза. — Ты же... гостя.

И в данную минуту я отчетливо вижу, насколько она еще девчонка. Наивная и искренняя. Интересно, если бы я ей рассказала, каким образом и при каких условиях меня привез сюда ее брат, она поверила бы мне?

— А когда будешь женой Исмаила, то у тебя будет большая и просторная спальня.

— Ты хочешь сказать, у меня с Исмаилом?

— Ты что! — смеется она. — У мужчин и женщин разные спальни в нашем доме. Мужья лишь приходят к женам... — смуглая кожа быстро становится ярко-красной. — Ну, для супружеского долга.

— А где сейчас его спальня?

— Зачем тебе это?

— Интересно, — отвожу глаза в сторону. — Пытаюсь представить, как все будет после свадьбы...

— Исмаил живет в городе. В квартире...

— Значит, мы будем жить в городе? — эта новость вселяет в меня надежду. Потому что оттуда будет гораздо проще сбежать, чем из этой крепости.

— Не знаю... — девушка садится в кресло рядом со мной и поджимает ноги. — Семья — это другое. Мне кажется, Тамерлан будет против.

— Думаешь, после свадьбы мы с Исмаилом будем жить здесь? Но это же бред. Столько женщин под одной крышей, и каждая со своим нравом.

— Мужчин это не волнует. Таковы порядки.

Замолкаем, каждая погружается в свои мысли.

— А твой жених... он какой? — вспоминаю ее истерику.

— Он мне не жених! — фыркает она. — И я выйду замуж только по любви!

— Уже есть возлюбленный? — в душе становится тепло, оттого что хотя бы кто-то в этой семье может построить жизнь так, как ему хочется.

— Нет, — поджимает она губы.

— Но зачем он к тебе тогда ходит?

— Брат считает его отличной партией. Но я его терпеть не могу. Он старый, — морщится, — противный. И пахнет от него плохо.

— Так скажи об этом брату. Он тебя любит и не станет заставлять выходить за того, кто тебе противен.

— Брат говорит, что в браке главное — уважение...

— То есть сам он женился на Замире, молодой и красивой, без любви?

— Не знаю, — пожимает плечами девушка. — Иногда мне кажется, что мой брат — робот. И если так выглядит любовь, как у него и Замиры, то я на такое не согласна, — вздыхает глубоко, теребя поясok платья. — Я в университет поступила втайне от брата, — говорит внезапно.

— Почему тайно? — эти подробности меня окончательно сбивают с толку.

— Он хочет, чтобы я училась где-то, где мало мужчин. На филолога, лингвиста...

— А ты?

— А я... — вздыхает шумно, — я люблю компьютеры. И я поступила на IT-специальность.

— Подожди, а как же ты учишься?

— Вот так, — хмурится. — Пока придумываю истории про болезнь и высылаю домашние задания на почту...

— Но ты же не сможешь так делать вечно...

— Да. Поэтому мне нужно срочно найти любовь.

— Чего? — смотрю на нее во все глаза.

— Да, — заявляет твердо. — Либо мне придется сбежать. Ты же меня не сдашь, правда? Смотрю на эту девушку, и у меня внутри все сжимается от обиды за нее и тревоги.

— А если... если мы сбежим вместе? — решаюсь, понимая, что это мой единственный шанс.

Малика замирает, осторожно втягивая носом воздух. Оглядывается на дверь, а затем переходит на шепот:

— Тогда у нас очень мало времени. Потому что твоя свадьба состоится в ближайшее время.

Мы смотрим друг на друга, две заговорщицы, связанные общим отчаянием. Воздух в комнате кажется густым и звенящим от произнесенных вслух опасных слов.

— Ты серьезно? — шепчет Малика, в ее глазах страх и азарт.

— Абсолютно, — мой собственный голос звучит чужим, но твердым. — У меня нет другого выхода. Я не хочу замуж за Исмаила. Я, как и ты, хочу любить мужа.

Малика резко встает и начинает бесшумно расхаживать по комнате.

— Две недели... Это очень мало. Но если мы будем действовать быстро и умно... У тебя есть телефон?

Я с горькой усмешкой развожу руками, демонстрируя, что у меня ничего нет.

— Какой телефон, Малика? Меня вывезли из дома в одном платье. У меня нет ничего. Вообще.

Надежда в ее глазах гаснет, сменяясь холодной расчетливостью.

— Ладно. Значит, действуем вслепую. У меня есть немного денег, я припрятала. Но нам нужен план. Первое правило: веди себя идеально. Улыбайся Исмаилу, будь мила с мамой и бабушкой, кивай Замире. Они все должны подумать, что ты смирилась.

— Притворяться, что я согласна выйти замуж? — мне становится дурно от одной этой мысли.

— Да! Это наш единственный шанс. Чем больше они уверены в твоей покорности, тем меньше за тобой следят.

Внезапно в коридоре слышатся шаги. Тяжелые, мужские. Мы замираем. Шаги приближаются к моей двери.

Малика дергается к телевизору, включает его на каком-то шумном ток-шоу и прыгает на кровать, делая вид, что мы увлеченно смотрим передачу.

В дверь стучат.

— Войдите, — с трудом выдавливаю я.

Дверь открывается, и на пороге возникает Исмаил. Он снова безупречно одет. Темные джинсы и светлая рубашка.

— Девочки, а я вас ишу, — говорит он, его взгляд скользит по Малике, а затем устремляется на меня. — Лада, я хотел предложить тебе прогулку. Покататься на машине.

Я заставляю свои губы растянуться в улыбке.

— Я бы с удовольствием, — говорю я. — Это будет чудесно.

Лицо Исмаила озаряется, но в его глазах мелькает что-то такое, что я не могу прочесть.

— Прекрасно!

— Я с вами! Вам пока нельзя оставаться наедине, — вмешивается Малика.

— Конечно, — натянуто улыбается он. — Одевайся, поедешь с нами. И Ладе с тобой веселее будет, не так страшно с незнакомым мужчиной одной оставаться, — его тон легкий, но в словах чувствуется напряжение, потому что он явно не рассчитывал на посторонних.

— Уже бегу! — восклицает она, но наши глаза встречаются на долю секунды.

Это наш шанс втереться в доверие и всех запутать.

— Буду ждать вас внизу, — говорит Исмаил, окидывая меня задумчивым взглядом и наконец-то покидая мою комнату.

— Подожди! — кричу ему вслед.

— Что-то не так?

— Да... мне совершенно нечего надеть.

— Тогда едем на шопинг, — улыбается он так широко, что мне кажется, будто он и сам рад этому.

Но его истинные намерения мне предстоит узнать позже...

Глава 15

Кажется, что все обитатели особняка провожают нас на прогулку. В окнах, словно тени, замирают силуэты Гаянэ и Замиры. Я не вижу их глаз и не могу прочесть выражения лиц, но мне не по себе от их внимания. Я чувствую их взгляды на себе, даже когда отворачиваюсь.

Исмаил открывает дверь дорогого седана. Пару мгновений мнусь, раздумывая, садиться впереди или нет, но после недолгих колебаний я сажусь на пассажирское сиденье, чувствуя себя неловко. Я не привыкла к обществу посторонних мужчин.

Да, у меня были одноклассники и одноклассники. Но всех их я знала, наблюдая за ними каждый день и общаясь. И никогда не каталась с малознакомыми парнями в машине. Если не считать того случая, когда меня сбил внедорожник Аскерова.

Малика прыгает на заднее сиденье, и, в отличие от меня, она рада происходящему.

— Пристегнись, — мягко говорит Исмаил, и его рука на долю секунды касается моего плеча.

От этого прикосновения по коже бегут мурашки. Это не страх, как с Тамерланом, но мне становится не по себе от этого касания.

Мы выезжаем за ворота, и я невольно оборачиваюсь. В окне на втором этаже вижу высокую, неподвижную фигуру. Кажется, Тамерлан наблюдает за нами. И несмотря на то, что нас разделяет большое расстояние, я напрягаюсь.

— Ну, девушки, есть особые пожелания? — спрашивает Исмаил, бросая на меня взгляд.

— Да! — берет инициативу Малика. — Лада знает все лучшие места в городе, правда?

— Я? — удивляюсь.

Конечно, я знаю все бутики от и до, но могу ли теперь, как и раньше, выбирать любимые магазины?

— Да... Но... разве я могу? У меня нет даже карточек.

— На этот счет тебе не стоит беспокоиться, — улыбается он. — Говори название.

Я называю свои любимые бутики, и Аскеров выбирает самый дорогой. Продавщицы узнают Исмаила, но будто бы совершенно не помнят меня, и это вызывает странное ощущение, несмотря на то что нас встречают подобострастными улыбками. Мне кажется, что я в каком-то бредовом сне. Потому что в жизни не бывает таких резких перемен. Но стоит себя немного ущипнуть, и не остается сомнений: все по-настоящему.

— Выбирай все, что твоей душе угодно, — говорит Исмаил, указывая на целую стойку с платьями. Его тон доброжелательный, но в нем слышится приказ.

Я исчезаю в примерочной с охапкой совершенно разной одежды. Малика проскальзывает в соседнюю раздевалку.

— Видишь? Он пытается тебя купить, — шепчет она, пока я скидываю ненавистный свитер. — Хочет казаться в твоих глазах настоящим принцем.

— А он не принц? — спрашиваю я, глядя на свое отражение в облегающем голубом платье. И мне даже на какое-то мгновение кажется, будто все как и прежде и меня не увез от отца властный кавказец.

— Он лишь удобный инструмент в руках моего брата, — безжалостно констатирует Малика. — Не забывай об этом.

Когда я выхожу из примерочной в зал, где Исмаил ждет на удобном диване, он замирает. До этого я видела его взгляд насмешливым и легким, а сейчас он становится слишком пристальным и серьезным.

— Идеально, — говорит он тихо, и в его голосе звучит неподдельное восхищение.

Такая же реакция следует на другой комплект одежды. И с каждым новым нарядом огонь в его глазах вспыхивает все ярче, и это вызывает у меня странную тревогу.

— Берем все, — заявляет мужчина.

После шопинга он ведет нас на обед, в один из лучших ресторанов в городе. И находясь за столом, в непосредственной близости с парнем, я чувствую особую благодарность Малике за то, что вызвалась поехать с нами, потому что взгляды Исмаила становятся более длительными, пристальными, тяжелыми.

Кажется, будто он иначе смотрит на меня, чем во время нашего знакомства. И меня смущает такое внимание. Потому что кажется, в нем проскальзывает что-то темное, липкое, и мне некомфортно от этого.

Он много спрашивает обо мне и моей жизни, и кажется, мои ответы его радуют. И после обеда, когда мы идем к машине, я решаюсь задать ему вопрос, который беспокоит меня после рассказа Малики о ее учебе.

— Исмаил... — мой голос звучит несмело. Все же раньше моя жизнь зависела от отца, и я привыкла обращаться со всеми вопросами к нему. А просить что-то у постороннего мужчины — это унижительно. — Мне нужно ходить на занятия. Я очень хочу доучиться.

— Конечно, — отвечает он легко. — Как только мы поженимся, ты сможешь вернуться в университет.

— Но я очень многое пропущу, и мне будет тяжело догонять. А у меня нет даже телефона, чтобы узнать задания.

— Нет телефона? Что ж, я решу этот вопрос, — обещает он.

С этого момента Исмаил приезжает ко мне каждый день, а вечерами мы переписываемся.

И в один из дней он предлагает мне встретиться в городе, только вдвоем, и даже придумывает, как все повернуть, чтобы меня отпустили.

Мы едем с Маликой в город, на день рождения к ее школьной подруге. Одну ее не отпускают, а нас двоих отправляют с охраной, но я могу улизнуть на прогулку наедине с Исмаилом.

Мы соглашаемся, решив, что это отличная возможность попробовать подобную схему, чтобы сбежать после.

Оставляя свою сообщницу с друзьями, я бегу на свидание с женихом, даже не думая, что он задумал подобную гнусность...

Глава 16

— Привет, — Исмаил растягивает губы в улыбке, когда я сажусь на пассажирское сиденье рядом с ним.

— Привет, — тянусь сразу за ремнем безопасности, стараясь не показывать, насколько волнуюсь.

То, что я решилась с ним на тайное свидание, — безумие. Но мне очень сильно нужен союзник. Остаться наедине с Исмаилом — идеальная возможность для того, чтобы прощупать почву, насколько он сам хочет этого брака.

— Выглядишь потрясающе! — чувствую, как его взгляд проходится по мне сверху вниз.

Наряд и правда очень мне идет. Розовое шифоновое платье длиной по колено, с белым воротничком и манжетами.

Конечно, раньше я предпочитала другие модели. Но и эта в целом мне нравится. Все лучше, чем эти скучные и уродливые юбки в пол, которые на меня пытаются нацепить женщины Аскеровых.

— Спасибо, — чувствую, как краснеют щеки. — Куда мы едем? — затаив дыхание жду ответа.

— Туда, где нам никто не будет мешать, — говорит загадочно мой спутник.

— А можно узнать подробнее?

— Тебе понравится.

Подобная формулировка напрягает меня еще сильнее, потому что как может заявлять человек, который практически не знает меня, что мне что-либо понравится?

— Скучаешь по прежней жизни? — спрашивает Исмаил.

— Конечно, — чувствую, как сосет под ложечкой.

— Предлагаю тогда смотаться куда-нибудь в клуб. Развеемся, — мажет по мне взглядом.

— Но... — во рту пересыхает. — Нам же нельзя.

— Ты же со мной, — продолжает ухмыляться мужчина, который должен стать моим мужем. — Ты моя невеста, — его губы трогает сальная улыбка, и мне становится не по себе от выражения его лица.

Я смотрю на Исмаила, пытаюсь прочитать мысли по его лицу, но не могу понять, что именно меня настораживает.

— Я не уверена, — говорю я, сжимая пальцы. — Малики нет, а одна я...

— Я же с тобой, — он перебивает меня, и его улыбка кажется слишком приторной. — Буду твоим личным охранником. Или ты мне не доверяешь?

Мне кажется, что он играет на моем страхе показаться несговорчивой, испортить и без того шаткое положение. К тому же Малика надеется на меня и на то, что я, с помощью ее брата, смогу обрести для нас свободу.

— Хорошо, — соглашаюсь я, глотая комок, вставший в горле. — Правда... я никогда не была в ночном клубе.

Но это мое замечание Исмаил, кажется, пропускает мимо ушей.

Клуб “Эдем” оглушает меня. Музыка бьет по ушам, огни стробоскопов мельтешат перед глазами. Исмаил, крепко взяв за локоть, ведет меня сквозь толпу извивающихся на танцполе людей к ВИП-ложе. Там уже сидят несколько мужчин. Они не похожи на компанию золотой молодежи. Не выглядят как все те богатые парни, которых я знала.

Перед нами несколько мужчин, половина из которых также кавказцы, но явно принадлежат к другой этнической группе, а другая половина походит на арабов. Но все они гораздо взрослее нас с Аскеровым, и это меня очень сильно настораживает.

— Это мои друзья по бизнесу, — коротко представляет их Исмаил.

— Какому бизнесу? — мой вопрос тонет в приветствии. Исмаил жмет руки мужчинам. А у меня от атмосферы, царящей в ВИП-ложе, напряжения и чужих взглядов волоски приподнимаются на коже.

— Моя невеста, Лада, — Аскеров подходит ко мне, приобнимая, заставляя меня оцепенеть.

Один из мужчин, с тонкими губами и тяжелым взглядом, убирает бокал от губ, облизывается, не сводя с меня взора, и меня передергивает.

— Поздравляю, Исмаил. Сегодня ты готов расплатиться?

Исмаил напрягается, его улыбка становится натянутой.

— Конечно. Но не о делах сегодня, Адам. Сначала немного отдохнем.

Он наливает мне в бокал что-то шипучее и золотистое.

— Выпей.

— Это алкоголь? — мне начинает казаться, что я попала в какую-то параллельную реальность. И поведение Исмаила вызывает у меня не просто недоумение, а настоящую тревогу.

— Нет, что ты. Это безалкогольный напиток. Вкусный.

Я беру бокал, но не делаю ни глотка. Инстинкты кричат об опасности. Воздух здесь густой и, кажется, пропитанный пороком и чем-то грязным.

Исмаил склоняется к Адаму и что-то шепчет ему. Я ловлю на себе взгляд этого неприятного мужчины — скользкий, влажный, как прикосновение слизи. Он осматривает меня с ног до головы, и мне хочется сжаться.

— Знаешь, Лада, — Исмаил поворачивается ко мне, его лицо странно оживлено, — иногда, чтобы решить свои проблемы, нужно проявить смекалку.

— О чем ты?

— О нашей с тобой ситуации.

— Не понимаю...

— Не волнуйся. Теперь у тебя есть я. Все будет хорошо.

Он поднимает свой бокал, салютуя. В этот момент его локоть неловко задевает мой, и напиток проливается на пол.

— Ой, прости, неловко получилось!

Он быстро подхватывает его, ставит на стол и тут же наливает новый, из той же бутылки.

— Вот, держи. Прости за неловкость. Не думай ни о чем, — Исмаил подталкивает ко мне бокал с золотистой жидкостью. Его улыбка слишком широка, глаза неестественно блестят.

Но я ведь должна ему верить. Он собирается стать для меня самым близким человеком, верно?

— Не капризничай, Лада, — его улыбка мгновенно слетает с лица, сменяясь холодной раздражительностью. — Выпей. Не позорь меня перед друзьями. У нас нельзя отказываться от угощения.

В его глазах ультиматум. Словно мое неповиновение сейчас, на людях, может обернуться чем-то худшим. Сердце колотится где-то в горле. Я чувствую себя загнанным зверем. Глупая, наивная дура, что повелась на обещание вернуться в нормальную жизнь.

Я закрываю глаза и делаю большой глоток. Напиток обжигает горло, оставляя послевкусие апельсина и какой-то химической горечи.

— Вот умница, — он снова улыбается, довольный, и его рука ложится мне на колено, сжимая его слишком сильно.

Мне неприятно от того, что он делает. Но я боюсь перечить здесь, когда рядом посторонние.

Проходит минута, другая. Все вокруг начинает расплываться. Кажется, что помещение заполняет туман. Музыка становится громче, огни начинают плыть перед глазами. Потом накатывает волна тошноты и странной расслабленности. Мышцы становятся ватными, голова тяжелой.

— Я... плохо себя чувствую, — пытаюсь я сказать, но язык заплетается. — На воздух...

Пытаюсь встать, но ноги не слушаются. Исмаил ловко подхватывает меня под руку, прижимая к себе.

— Ничего, ничего, сейчас я тебе помогу, — его голос звучит притворно заботливым. — Провожу тебя в комнату...

Глава 17

Мир вокруг плавает в тумане. Кажется, словно я качаюсь на густых облаках. Я все вижу, все понимаю, но не в состоянии сама ни говорить, ни управлять собственным телом.

Вижу, как приятели Исмаила встают, загораживая нас от посторонних глаз. Меня ведут, почти несут, через задние коридоры клуба. Ноги полностью перестают слушаться, и кажется, словно меня парализовало.

— Ну что же ты так перестаралась, — смеется мой жених, тот самый, который просил доверять ему и должен стать моей защитой. — Нужно осторожнее с коктейлями, — прижимается губами к моей скуле.

Мне противно и тошно. Знаю, что нужно оттолкнуть его от себя, закричать, но я не в состоянии.

Я бормочу что-то, пытаюсь сопротивляться, но мое тело — это безвольная масса, неспособная на протест. Сквозь мутную пелену я вижу, как Адам пожимает руку моему жениху.

— Найди еще одну, и долг будет списан, — слышу словно сквозь толщу воды его голос.

— Мы договорились, что за эту будет списан весь остаток, — возмущается Аскеров.

— Слишком большие риски. Я не думал, что ты отдашь мне свою невесту, — приятель Исмаила окидывает меня сальным взглядом. — Удивил, конечно, — хмыкает.

— Не люблю целок, — бросает тот самый хороший мальчик Исмаил, которому прочили невесту из правильной семьи.

Чем больше я слышу, тем сильнее леденею изнутри.

— Понятия не имею, как ты это разрешишь потом...

— А это не твоя забота, — усмехается Аскеров. — Просто... появится повод соскочить с этой женитьбы. — Прости, — он прижимается губами к моему виску и отпускает, когда я слышу звук открываемой двери. — Только смотри, чтобы она отключилась! — кидает напоследок.

— Конечно, — усмехается Адам. — Нам не нужны свидетели.

Меня заносят в какую-то комнату, и дверь захлопывается. Меня бросают на кожаный диван. Адам приближается, его лицо расплывается в пятнах света у меня перед глазами.

— Красивая штучка, — доносится до меня. — Дальше жаль тебя отдавать. Но за тебя я выручу столько бабок, что твой жених-придурок даже не представляет, — мерзко смеется он, трогая меня за ноги, попу и грудь. — Сочная, — голос пропитан похотью. — Но ничего, ничего, я тебя потом тоже попробую, — не понимаю, куда исчезает мое платье, а этот мерзкий и отвратительный человек задирает мой бюстгальтер вверх, сжимает сосок между пальцами и выкручивает его.

Мне больно и неприятно. На глазах выступают слезы, потому что мне мерзко и страшно. Я не хочу, чтобы меня трогали. Тем более не позволю делать это незнакомым мужчинам. Но меня никто не спрашивал. Просто отдали, как какую-то вещь, в пользование чужаку.

Его пальцы касаются моей щеки и губ, протискиваясь между челюстями и нажимая на язык солеными подушечками.

— И в рот я тебя тоже трахну... — говорит так, будто ему тяжело дышать. — Но после. Я пытаюсь отшатнуться или сжать челюсти, но не могу ничего.

— Адам, — раздается голос еще одного из тех, кто сидел с нами за столом. — Он подъезжает. Приведи ее в порядок.

Ублюдок отстраняется от меня, а я больше не могу держать веки открытыми. Кажется, что я потратила последние силы на мысленную борьбу с этими уродами.

Но я не сдаюсь. Я пытаюсь оставаться в сознании, потому что не должна позволить, чтобы до меня дотронулся хоть кто-то без моего на то разрешения.

Наверное, я никогда не забуду вонь дорогого одеколona, смешанную с запахом пота, что забился в ноздри, вызывая еще большее отвращение к происходящему.

Мне до сих пор кажется, что Исмаил одумается и вернется за мной. Все же... он не может быть конченным подонком. Как он после этого будет смотреть в глаза своей семье? Неужели он такой хороший актер, что сумел ввести в заблуждение даже членов семьи?

— Почему она еще в сознании? — доносится до меня сквозь сопротивление.

— Думаешь, нужно добавить?

Тогда я понимаю, что должна закрыть веки, иначе меня накачают так сильно, что после я не просто не буду знать, что со мной случилось, но и забуду о том, как меня опоили.

Поддаюсь слабости, позволяя глазам закрыться.

— Кажется, все. Отключилась, — голоса уплывают еще дальше.

— Отлично.

Раздается звонок телефона.

— Он на месте. Поднимается сюда, — суетливо говорит голос, принадлежность которого я не могу определить.

— Давай проваливай. Остальные не должны видеть его лицо.

Дверь скрипит, наступает тишина. А затем я чувствую поток воздуха, врывающегося в помещение вместе с человеком, который вторгается в пространство.

— Вот мы и встретились, красавица, — сердце сжимается от страха, и голос растворяется, когда меня утягивает во тьму.

Глава 18

Кажется, мне снится, как дверь с грохотом слетает с петель, ударяясь о стену. Картинка нечеткая, поэтому я уверена, что это такой странный сон. В проеме, заливаемом светом из коридора, стоит мощная мужская фигура. И я знаю: это Тамерлан. Его фигура кажется огромной и заполняет все пространство. Когда он приближается, то не остается сомнений в том, кто это. Его лицо искажено яростью.

Я чувствую рядом с собой кого-то еще. Вижу мужской обнаженный торс, но не вижу лица. Мужчина резко оборачивается, его рука тянется куда-то в сторону, но он не успевает.

Видение становится все удивительнее, когда рядом, словно тень, вырастает Рамзан. Раздается глухой удар, и незнакомец со стоном оседает на пол.

Но мое внимание приковано к Тамерлану. Его взгляд тоже приклеен ко мне. Он делает один шаг, другой. Кажется, воздух трещит от его ярости. Как хорошо, что это сон, потому что я не хочу проверять, какой он в злости в реальной жизни.

Аскеров наклоняется, и его сильные руки подхватывают меня. Он прижимает меня к своей груди, и запах его кожи, который я узнаю из тысячи, и дорогого парфюма пробивается сквозь сон и муть в моей голове.

Мне нравится этот сон. Нравится ощущать жар его тела и то, какой он твердый и сильный.

Я слышу его голос, тихий, но такой четкий, что он режет сознание, как лезвие:

— Забирай его отсюда. Увези за город, я приеду позже и решу, что с ним делать дальше. Если начну разговаривать сейчас, то не уверен, что смогу сдержаться и не убить его. Понял?

— Понял, Тамерлан Кадырович, — глухо отвечает Рамзан.

— Ты-то чем думала, Ромашка? — несет меня куда-то.

Я не разбираю дороги, меня снова затягивает в сон, и низкий голос, что прорывается сквозь морок, странным образом успокаивает. Кажется, что ему не плевать на меня.

— Придется преподать тебе пару уроков, — тихо рокошет, и я прижимаюсь сильнее к нему.

Он выносит меня из клуба, и последнее, что я вижу перед тем, как темнота окончательно поглощает меня, — это то, как двое мужчин заталкивают в машину Исмаила.

Сознание возвращается ко мне обрывками.

Подо мной холодные простыни. Сквозь веки проникает луч света. Мне светят фонариком в глаза.

— ...сильное отравление, — говорит чей-то незнакомый спокойный голос. — Промывание сделали вовремя, осложнений быть не должно. Сейчас поставим капельницу, поможет быстрее прийти в себя. Главное — покой.

Покой. Слово эхо, это слово звучит в моей голове. Я пытаюсь пошевелиться, но тело ватное и тяжелое.

— Держи ее, — резко бросает Тамерлан, и чьи-то твердые руки ложатся на мои плечи, пока врач ставит катетер.

Боль от укола тупая, но отчетливая. Она окончательно возвращает меня в реальность. Я медленно открываю глаза. В комнате, кроме врача, Тамерлан и Рамзан. Челюсти Тамерлана сжаты, а взгляд мог бы испепелить.

Когда врач заканчивает и выходит из комнаты, Рамзан следует за ним, бросив на ходу:

— Я провожу.

Мы остаемся одни. Тишина в комнате становится гулкой и давящей. Тамерлан не двигается, стоя у окна и глядя в ночную тьму. Я не решаюсь сделать вдох, чувствуя, как его ярость наполняет комнату, словно густой электрический туман.

— Ты пришла в себя? — спрашивает он, не поворачиваясь.

— Да, — шепчу я, и мое горло скрипит от сухости. — Воды, — горло дерет, а во рту настоящая пустыня.

Аскеров оборачивается и, взяв бокал с тумбы, приподнимает мою голову и подносит бокал к губам.

— Пей.

Первый глоток вызывает боль, но когда делаю второй, чувствую себя лучше. Горечь, что стояла в горле, исчезает.

Он медленно убирает стакан и помогает мне лечь обратно.

Аскеров садится в кресло напротив и смотрит на меня тяжелым, темным взглядом.

— Ты понимаешь, что едва не произошло? — наконец говорит он.

— Смутно, — облизываю губы.

— Если бы я не успел, то ты не только опозорила бы мою семью, но и подставила бы своего отца.

— Я не знала... — хочу рассказать про Исмаила, но говорить еще тяжело.

— С этого момента ты полностью под моей ответственностью, — говорит с какой-то злостью.

— Я...

— Молчи. Я сейчас слишком зол, Лада.

— Прости...

Он прикрывает веки, шумно выдыхая.

— Мы обсудим случившееся завтра. А пока спи. Больше у тебя не будет выбора. Не умеешь думать сама — придется мне это делать за тебя, — поднимается на ноги. — И придется вам всем с этим смириться. Пришлю тебе сиделку, — подходит к двери. — А как только придешь в себя, мы назначим торжество, — бросает через плечо. — Но если бы я не успел... — не договаривает и выходит за порог.

Глава 19

Ко мне, как и было обещано, приходит сиделка. Она ставит мне очередную капельницу, а я только теперь осознаю, что нахожусь не в той комнате, что выделили мне в особняке Аскеровых. И судя по картине за окном, мы в центре города. Потому что панорамные окна в пол демонстрируют вид на весь город.

Я не знаю, что это за место. Но осознавая, что я вдали от дома Аскеровых, ощущаю покой.

Ночь проходит спокойно. Кажется, я даже не вижу снов, и мое тело, впервые за те несколько дней, что я прожила в чужом доме, получает полноценный отдых.

А утром я просыпаюсь от пристального и даже настойчивого взгляда.

Открываю глаза и вижу сидящего в кресле напротив моей кровати Тамерлана. Не сразу понимаю, что он тут делает и вообще где я. Затем воспоминания о прошлом дне проносятся перед глазами мрачными картинками, и от осознания, что все это действительно произошло со мной, органы в животе сжимаются в узел.

— Доброе утро, — тихо говорит Аскеров, не сводя с меня напряженного взора.

Выглядит он, мягко говоря, не очень. Под глазами залегли синяки, а на лице хмурое, уставшее выражение, что ставит под сомнение то, что он вообще спал.

— Как спалось? — спрашивает, не дожидаясь ответа.

— Крепко, — наконец-то выдавливаю из себя, и голос кажется каким-то чужим.

Несколько мгновений мы смотрим друг на друга, и я чувствую, как вокруг сгущается напряжение.

Осторожно приподнимаюсь на кровати и подтягиваюсь к изголовью, поднимая выше на себя одеяло.

Наши гляделки с Тамерланом продолжают.

— Чувствуешь себя как? — снова заговаривает он.

— Отдохнувшей.

— Хорошо, — едва заметно кивает.

— Тяжелая ночь? — спрашиваю совершенно неожиданно для себя.

— Нужно было... — делает глубокий вздох, — решить важную проблему.

— С Исмаилом? — прикусываю губу, напоровшись на острый взор Аскерова и думая, не погорячилась ли я.

Вместо ответа он лишь крепко сжимает челюсти, играя желваками.

— Объясни мне, как так вчера получилось, что ты оказалась в ночном клубе в компании мужчин?

Во мне все сжимается от его просьбы, потому что мне стыдно сознаться в том, насколько легковой дурой я оказалась. Слезы подступают к глазам, но я сжимаю веки, не позволяя им пролиться. Я не заслуживаю права плакать, потому что во всем виновата сама.

— Он... Исмаил... сказал, мы поедем погулять, чтобы узнать друг друга лучше. Только вдвоем. Я думала...

— Ты не думала! — его голос грохает, заставляя меня вздрогнуть. Он вскакивает на ноги и делает шаг к кровати.

Я инстинктивно отшатываюсь, прижимаясь к изголовью. Он замечает это, и что-то мелькает в его взгляде: вспышка еще большей ярости.

— Ты позволила себе проявить неуважение ко мне и моей семье! К моему слову!

— А что я должна была делать? Исмаил — твой брат, и мой жених. Я думала...

— Ты не думала совсем! — его лицо искажает гримаса гнева. — Более того, ты додумалась выпить неизвестный напиток!

— Он мой жених! — выдыхаю я, цепляясь за эту соломинку. — Разве я не должна ему доверять?!

— Жених? — Тамерлан горько усмехается, отворачиваясь на пару мгновений, а затем снова оборачиваясь, скрипя зубами. — Он проиграл в карты крупную сумму тому ублюдку, Адаму. И отдал тебя в счет долга. Сначала — на ночь. А если бы я не приехал... он продал бы тебя в рабство на Восток, чтобы списать долг полностью.

Мир переворачивается. Я не чувствую под собой опоры. Тело немеет. Встречаюсь с ним глазами, не в силах осознать чудовищность услышанного. Исмаил... красивый, галантный. Он не просто подлый трус, а настоящий моральный урод.

— Нет... — это не крик, а стон, полный отчаяния и ужаса.

— Да, — безжалостно подтверждает Тамерлан. — И знаешь, что самое смешное? Он был уверен, что все сработает. Что ты, опозоренная славянская дурочка, не посмеешь никому рассказать. А он получит свободу от брака с тобой и списание долгов. Удобно, да?

Слезы наконец проливаются из моих глаз ручьями. Я не пытаюсь их сдержать. Это слезы не только страха, но и стыда, унижения и полного крушения всех надежд. Я не надеялась на счастливый брак с Исмаилом, но рассчитывала на понимание и помощь... Надеялась на спасение с Маликой. Я в ловушке, и все пути к отступлению отрезаны.

— Я... я не знала... — рыдаю я, трясясь. — Я просто хотела... понять его...

Тамерлан снова подходит к кровати, но на этот раз не как грозная туча, а медленно, почти устало. Он садится на край, и пружины прогибаются под его весом. Он смотрит на мое искаженное рыданиями лицо.

— Теперь ты знаешь, — произносит он уже без прежней ярости, но с ледяной серьезностью. — Мир вне этих стен полон таких Исмаилов. Они в тысячу раз опаснее меня. Потому что я свою добычу не отдаю и не продаю.

— Но он же твой брат! — продолжаю плакать. — Как же так?

— Это я виноват. Слишком доверял ему. Оказалось, что светская жизнь развратила брата. Но теперь... я исправлю свои ошибки.

По лицу Тамерлана пробегает тень боли.

— Запомни раз и навсегда. Твоя жизнь теперь здесь. Твоя честь — это моя честь. Твоя безопасность — моя забота. Но это не привилегия, не повод чувствовать себя выше других. Это ответственность. Не просто так я требую взамен беспрекословного послушания. Никаких тайных прогулок. Никаких глупых решений. Ты принадлежишь этой семье. И, похоже, единственный человек здесь, кто понимает, что это значит на самом деле, — это я.

Он встает, его тень снова накрывает меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.